

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ...

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Тбилиси
2025

Свою знаменитую книгу «Головинский проспект» Владимир Головин завершил словами о тбилисцах прошлых времен: «И кем бы ни были эти люди – князьями или каменщиками, военачальниками или фотографами, губернаторами или учеными, поэтами, промышленниками, художниками, политиками – они жили, работали, страдали, любили в Тифлисе-Тбилиси. Они заложили в своих детях те самые традиции чести, доброты, трудолюбия и верности, которые стали главными ценностями нашего города. И когда вглядываешься в эти лица, стыдно чего-то бояться, впадать в уныние, совершать что-то неблагоприятное. Потому что понимаешь, кто стоит за тобой. Это – наш золотой запас. Потому что в нем все – истинное. А еще потому, что этот золотой запас никому у нас не украсть и не отобрать».

Теперь эти слова с полным правом можно отнести и к самому Владимиру Головину. То, как он жил, дружил, любил, работал – это кодекс неписаных правил настоящего тбилисца. Золотой запас. А о его книгах и говорить нечего – они любимы, много раз читаны и перечитаны и стали настольными для многих тысяч людей.

Сборник «Я к вам вернусь» – наша дань памяти и благодарности выдающемуся журналисту и поэту, верному сыну Тбилиси, незаменимому коллеге и другу.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

© **Русский клуб. 2025**
ISBN 978-9941-8-8235-7

*Я к вам вернусь теплом грибных дождей,
улыбками веселых эпатажей,
мелодиями прошлых лет и даже
насмешками над мерзостью вождей.*

*Я возвращусь, когда придет пора
припомнить то, что забывать негоже,
когда начнете осуждать все строже
ту жизнь, которой жили вы вчера.*

*Я буду рядом в шорохе листвы,
в прибое моря, в запахе мороза,
когда хоть в чем-то будет вам угроза,
когда по мне скучать начнете вы.*

Владимир Головин

ЕГО НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ

Владимир Головин был действительно неповторимым человеком – одаренным, ярким, исключительно профессиональным, сокрушительно остроумным. А еще – подлинным тбилисцем, со всеми непременными его качествами – веселостью, гостеприимством, надежностью. Тбилиси нельзя себе представить без Володи Головина – знатока и летописца родного города, его страстного певца и обожателя. Он был знаменитым и признанным журналистом и литератором, его блестящие тексты печатали в Грузии, России, США, Израиле, странах Европы – в любом издании он был желанным автором. Искушений и возможностей уехать у него было множество. Он и уезжал. Но всегда возвращался. Потому что, мне кажется, не мог жить, не мог дышать без своего любимого Сололаки. Теперь, без Володи, и Сололаки, да и Тбилиси, лишившись своего самого талантливого солиста, уже никогда не будут такими, как прежде.

Незаменимые люди есть, и Владимир Головин – из этого немногочисленного ряда.

Николай Свентицкий

Пять лет назад, в ноябре 2020 года, журнал «Русский клуб» опубликовал поздравление-сюрприз коллеге и другу Володе Головину на день рождения – к 70-летию. Очень не хочется что-то менять в этом тексте: исправлять настоящее время на прошедшее, искренний, радостный тон – на печальный... И добавлять восхваления – в понятном и горьком желании выразить благодарность и восхищение, которые постеснялись, не успели, не сумели выразить ему при жизни.

Мы этого делать не будем. Пусть Вова остается в этом рассказе таким как есть: с острыми углами, неожиданными решениями, странными поворотами судьбы, приносящими то радость, то печаль.

Пусть будет так.

Оставим эту дорогу в прошлое открытой.

ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ

Если перелистать страницы жизни и судьбы Владимира Головина, то неожиданности и поразительные сюжетные ходы встретятся на каждом шагу. Так что писать о нем не сложно: с чего ни начни – все интересно! Что связывает нашего героя с Георгием Товстоноговым, откуда взялось в домашней библиотеке Головиных первое послевоенное издание Сергея Есенина, что общего у Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова и Владимира Солоухина и у тбилисской 43-й школы, что сказал легендарный Эдуард Церковер, прочитав интервью Владимира Головина с Юрием Никулиным? А еще – что и как было написано о страшном сходе лавин в Сванети? Как такое возможно – попав под обстрел в Сухуми, чудом не погибнуть, а в Иерусалиме, опоздав на встречу на пять минут, не взорваться в кафе? И далее, и далее, и далее... Поэтому расскажем о Владимире Головине по порядку, с самого начала. Его жизнь – заковыристей самых заковыристых сюжетов.

Владимир принадлежит к дворянской ветви Головиных. Состоятельная семья жила в Ростове-на-Дону, Василий Иванович Головин служил управляющим донским пароходством. Впрочем, высокое положение не помешало ему укрывать у себя революционера Сашу Гегечкори.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Идеям революции он вовсе не сочувствовал – просто интеллигенция всегда недо-

любливала власти и благосклонно поглядывала на бунтарей. Отсидевшись в гостеприимном доме, революционер продолжил подрыв основ самодержавия. А мой дед так никогда и не мог разумно объяснить, почему он, на свою голову и головы себе подобных, прятал беглого ссыльного».

После революции 1917 года, которую Головины не приняли категорически, отец, мать и трое сыновей бежали в демократическую Грузию, в Батуми, с конкретной целью – двигаться дальше. Но что-то не сложилось, и в 1921 году советская власть их все-таки «настигла». Они переехали в Тифлис, где и осели. Жили на Верэ, на улице Калинина, затем на Шерозия и, наконец, на Чайковского. Георгий Васильевич (он же Юра) Головин, будущий отец нашего героя, поступил в консерваторию по классу фортепиано. Подавал серьезные надежды, но после третьего курса ушел в армию. Вообще, его жизнь складывалась таким образом, что ему не раз приходилось начинать с нуля. Он прошел всю войну в военной разведке, участвовал в обеспечении Тегеранской конференции, и в семействе Головиных долго хранился небольшой ковер – память о Тегеране-43. Вернулся с фронта майором и решил продолжить карьеру военного. Но...

Она действительно была какая-то необыкновенная и очень красивая. Когда Нюся Кац шла по улице, все как один восхищенно смотрели ей вслед. Юра влюбился, когда Нюсе едва исполнилось 15, а ему – 19 лет.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Однажды на Плехановском появился парень с верийской «биржи». Он оказался не в своем «убане» в одиночку. Точнее, не совсем, т.к. с ним была девочка-старшеклассница с улицы Калинина. Он влюбился и решил, что постоянно будет провожать ее до дома. По законам «биржи», парню, идущему с девушкой, ничего не сказали. Но на обратном пути, конечно же, остановили. Во-первых, он представлял враждебный клан, а во-вторых, за девушкой пытался ухаживать Гога с Татьянинской улицы, свой. Пришельца с Верэ уже начали бить, кто-то, разгорячившись, поднял камень, когда

появился Шурка Безрукий, непререкаемый авторитет у всех «лихих» своего района. Неуловимым движением скинув тапочек, он дал пощечину подчиненному, взявшему камень, и драка прекратилась. Безрукий повелевал, чтоб дрались по-честному, один на один. А после того, как незваный гость побил по очереди пару «дарбазских», пригласил парня в духан. Там они подружились, и больше верийца на Плехановском и прилежащих к нему улицах никто не трогал... А Татъянинскую улицу в Тбилиси потом называли именем жившего на ней Гоги – улицей Товстоногова».

Юра и Нюся поженились в 1945-м. Анкета кадрового военного должна была быть, разумеется, безупречной. Прежде всего – никаких родственников за границей. А у Нюси была тетя, мамина сестра, которая давным-давно уехала в Палестину... Никакой связи родственники не поддерживали. И вдруг, спустя много лет, она неожиданно написала письмо сестре. Конечно, письмо попало куда надо. Майора Головина вызвали для серьезного разговора, который не был долгим: «Зачем тебе такая жена? Или разводишься, или документы на стол!» Юра тут же швырнул документы и вышел, хлопнув дверью.

И опять надо было начинать с нуля. К тому времени уже родился Вова. Юра без работы, Нюся смотрит за ребенком, помощников нет... Пришлось помыкаться. Но потом Юре удалось устроиться в орготдел Грузсовета «Динамо», где он и проработал всю жизнь. А Нюся пошла в НИИ охраны труда. В это же время там работала Элла Маркман, они были дружны. Если кто запомнил, судьба Эллы – трагическая... В 1937-м отца, замминистра лесной промышленности Закавказья, расстреляли, мать отправили в КАРЛАГ, а Эллу с сестрой Юлей – в детский дом. Через четыре года она переехала к тете в Батуми, а после окончания школы вернулась в Тбилиси и вступила в подпольную молодежную организацию «Смерть Берии». В 1948 году всех подпольщиков приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. В 1956-м Эллу Маркман освободила комиссия Верховного совета по пересмотру дел. И только в 1968 году ее реабилитировали.

Вова обожал ходить к Элле. Какие люди там собирались, какие разговоры вели! Более того, у него до сих пор хранится книжка – то самое первое послевоенное издание Есенина. Это подарок Эллы Моисеевны. Да, ему повезло с таким знакомством.

А еще ему повезло со школой – он окончил знаменитую 43-ю.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Мы и наши отцы учились в средних школах, которые имели право гордиться не названиями, а просто номерами. И такими же фирменными марками, как эти номера, были прозвища, по традиции даваемые директорам школ: Хечо в 20-й школе, Машка в 66-й, Буся в 48-й, Корсик в 43-й... Сегодня я приглашаю именно во владения Корсика, он же – Георгий Александрович Корсавели. Чтобы было видно, как при нем и при его предшественниках Сумарокове и Бзикадзе в 3-й мужской, превращающейся в 43-ю, учатся будущие композитор Микаэл Таривердиев, кинорежиссер Лев Кулиджанов, пианист Дмитрий Башкиров, теннисисты Александр Метревели и Алла Иванова, олимпийский чемпион по баскетболу Сергей Коваленко, писатель Александр Эбаноидзе... Чтобы услышать исторические афоризмы Георгия Александровича: «Детка, детка! Ваши предки столько времени потратили, чтобы слезть с дерева, а вы, болван эдакий, упорно лезете на него!», «А вы одеты, как цавкисский мацонищик! Вон отсюда! В пещеры, к готтентотам!» Чтобы взглянуть на потрясающих учителей, таких, как историк Вадим Васильевич Приходько, в самый разгар «застоя» рассказывавший нам правду о «штурме» Зимнего дворца. Или выпускница знаменитого московского ИФЛИ (Института философии, литературы, искусства) Татьяна Георгиевна Шароева, презрительно бегло проходившая с нами классиков соцреализма и массу времени уделявшая (страшно сказать – в те времена!) Зоценко, Ахматовой, Цветаевой. А ведь были еще и «литературные среды», организованные сменившей Корсика Ириной Александровной Гоциридзе – будущей директрисой ТЮЗа и одним из руководителей Театрального общества Грузии. И приходили на них к школьникам Расул Гамзатов, Иосиф Нонешвили, Чингиз Айтматов, Георгий Леонидзе, Владимир Солоухин...»

На «литературных средах» выступали не только знаменитые гости, но и сами школьники. Например, Вова Головин там впервые прочитал свои стихи. А в литературном кружке Дворца пионеров часто проходили конференции, и в девятом классе он получил диплом первой степени за сочинение о Ленинграде – это была его первая литературная премия.

Какой у него был характер? Говорят, гораздо хуже, чем сейчас. Больше всего ему доставалось от Лены Шахназаровой из параллельного класса. Лена в принципе не выносила грубости (она и сейчас такая), а Вова в своей борьбе с дутыми величинами мог быть очень резким (он и сейчас такой) – он считал, что должен непременно их разоблачить. Лену это приводило в ужас, и они все время схлестывались. Могли месяцами не разговаривать.

Вообще-то, Вова многое взял от своих родителей. От папы – очень сильное мужское начало, надежность, а еще – категоричность и в любви, и в неприятии людей. У Георгия Васильевича была знаменитая фраза: «Подлец! Спустить с лестницы!» Вова именно такой. Если кого-то любит, то все простит и оправдает, если не любит – даже не пытайся объяснять. А его потрясающее, необыкновенное чувство юмора – от мамы...

В девятом классе Вова определился с будущей профессией – сразу и навсегда. Однажды одноклассники пошли на «шталло» – в Дом офицеров, на фильм Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу». И после фильма Вова твердо объявил: «Я буду журналистом». Выбор был сделан.

К вступительным экзаменам на филологический факультет университета они с Леной готовились вместе. Происходило это так: Лена говорила домашним, что идет заниматься к Вове, а он – что идет к Лене. А на самом деле десятиклассники шли в кино – на экраны вышла серия фильмов о Фантомасе.

Конкурс на филфак был огромный. И Вова, и Лена (вот она, школа Шароевой!) блестяще написали свободные темы и получили пя-

терки. А потом, когда 1 сентября пришли в университет уже как студенты, на курсе объявили, что лучшее сочинение на вступительном экзамене написал Владимир Головин. И оно было торжественно зачитано. Председателем приемной комиссии в тот год был профессионал высокого класса и безукоризненно честный человек Дмитрий Чантуришвили. Кстати, Вова получил пятерки по всем четырем экзаменам.

В университете сразу же сформировалась замечательная компания – Вова, Лена, Рамзия Гаджиева, Миша Джинджихашвили, Дима Цитланадзе, Толя Гордиенко, Ира Купарадзе, Тома Кабоснидзе. Это оказалась дружба навсегда. Иных, увы, уже нет, а те – далеке...

Вове – девятнадцатый год. Первое опубликованное стихотворение в «Вечернем Тбилиси» – «Судьба солдата на войне». Первый материал в «Молодежи Грузии». Через пару лет – практика в Москве. Невероятный опыт! Факультет журналистики ТГУ заключил соглашение с МГУ, и тбилисские студенты каждый год проходили практику в Москве. Вова целенаправленно хотел к Эдуарду Церковеру в «Неделю» – и попал именно туда. Он тогда сделал интервью с Юрием Никулиным, и Церковер, которого называли «королем интервью», сказал: «Мне тебя учить нечему».

А лето 1970-го выдалось страшным. Ребята были на военных сборах в Ахалкалаки. В этот момент у Вовы умер дедушка. И его не отпустили на похороны. А через две недели скончалась мама... Он вырвался на неделю. Лето. Из друзей никого в городе не было, кроме Лены – она упала на тренировке по скалолазанию в Ботаническом и только вышла из больницы. Вместе бегали по всем ритуальным делам...

Лена увидела совершенно другого Вову – худого, убитого, потерянного... На него было больно смотреть.

Да, отношения начали меняться. Как это проявилось со стороны Вовы? Кто-то ему одолжил на один день два номера журнала «Москва», где был опубликован роман «Мастер и Маргарита». Вова с Леной в тот момент умудрились в очередной раз поссориться. Он

прочел роман днем, разыскал Рамзию и сказал: «Отнеси Ленке на ночь, утром я должен журналы вернуть. Если она этого не прочтет, я себе не прощу». А в конце четвертого курса он вдруг прочитал Лене посвященное ей стихотворение. Наверное, это было объяснение в любви... Но все оставалось тайной даже для самых близких.

После университета Вова на два года ушел в армию, в Кировабад. Но, чего уж тут скрывать, чуть ли не каждые субботу-воскресенье приезжал в Тбилиси. И вот он приезжает в очередной раз, они с Леной гуляют по Сололаки, и на улице Лермонтова Вова говорит: «Меня отпустили на четыре дня, я сказал, что еду жениться. Если вернусь неженатым, меня на губу посадят. Ты поедешь со мной?» – «Поеду».

На следующий день они пошли в загс. Дали, простите, взятку – 25 рублей, и расписались. А потом отправились в квартиру на Чайковского, куда уже стекались друзья, прознавшие, что Головин, как всегда, приехал в Тбилиси на выходные. И никто, никто не знал, что они расписались. На столике в прихожей были выставлены два паспорта со штампами – гости от изумления чуть ли не падали в обморок и немедленно бежали за едой и выпивкой. Чтобы вы представили себе, какая это была развеселая свадьба, откроем секрет: дело дошло до того, что невеста, стоя на балконе, палила из пистолета! А друзья тем временем заключали пари, сколько времени Лена и Вова продержатся вместе – два месяца или чуть больше. Это было в субботу, 21 сентября 1972 года. Вот и подсчитайте.

Через день молодожены прибыли в Кировабад. Вышли на центральную площадь. Там Лена увидела клумбу, на которой неторопливо жевал травку барашек. Владимир Ильич, видимо, стоял где-то в другом месте...

Обещанной однокомнатной квартиры женившемуся лейтенанту так и не предоставили, и молодая семья мыкалась по съемным углам, пока один из сослуживцев Вовы не предложил им крошечную каморку в своей квартире. Туда могла встать только кровать. Да и той у них не было – обходились спальным мешком. Прав-

да, вскоре командование торжественно выделило им железную солдатскую койку, и солдатики притащили ее со страшным грохотом. Так и жили... Главное – весело!

В Тбилиси Лена вернулась за 4 месяца до дембеля. Она ждала ребенка, ей надо было находиться под медицинским контролем. А он, тем временем, чудом выжил на учениях – разорвавшаяся рядом граната покалечила руку, а несколько осколков чиркнули по каске...

Лена знала наверняка, что у нее будет девочка – институт Жордания первым в Союзе начал определять пол ребенка по анализу крови. Массу диссертаций защитили на эту тему! Потом, когда у Головиных родились два мальчика, Юра и Леша, Вова произнес очень много интересных (но непечатных) слов по поводу этих диссертаций.

После армии он подрабатывал внештатником, семья жила на скромные гонорары. А вскоре его пригласили в Грузинформ. И это были самые счастливые 15 лет в профессии. Директором был Темо Степанов, о котором Вова до сих пор вспоминает с великим уважением и огромной нежностью. Головин уходил на работу, как на праздник, и возвращался с улыбкой до ушей. Командировки, интересные встречи, замечательные люди...

Одна из самых запомнившихся командировок – в Сванети в 1987 году, когда там случился страшный сход снежных лавин. Он поехал туда на 2-3 дня. Прислал два материала и – исчез. Проходит три дня, четыре, неделя. Никаких известий. Лена постоянно звонила в Грузинформ: «Ничего?» – «Ничего». Потом ей звонил Вовин коллега Ян Горелов: «Лена, ничего?» – «Ничего».

Из Сванети приходили ужасные новости...

И вдруг через неделю – звонок. «Вы жена Владимира Головина?». У Лены упало сердце: «Да, это я». – «Не волнуйтесь, я радиолобитель. Ваш муж жив и здоров, просто они остались без связи». Как оказалось, из-за завалов связь пропала вообще. И журналисты передавали свои телефонные номера группе радиолобителей, а те предупреждали родственников, что все в порядке.

Несколько дней журналисты из разных стран сидели без связи,

ждали, пока распогодится. Потом за ними прислали вертолет. Но эти несколько дней надо было пережить...

Статьи они написали очень сильные. И сделали книгу «Стихия и люди», где собрали материалы всех журналистов, поехавших в Сванети, не только грузинских. Книга получила премию Союза журналистов Грузии. Вова был членом редколлегии и одним из авторов. Между прочим, в Сванети он единственный раз в жизни не выполнил редакционное задание. Спасатели откопали 12-летнюю девочку, которая сутки пролежала под снегом в объятьях мертвой матери – та успела обхватить дочку и прижать к себе. Сама спасения не дождалась, но до последнего согревала дочку своим теплом. Из Грузинформа пришло указание, чтобы Головин сделал интервью с девочкой. Конечно, он отказался...

В Абхазию Вова летал два раза. Первый раз – зимой... Страшная поездка. Возвращались самолетом Як-40. Летели стоя. Потому что весь салон был заполнен ранеными и убитыми. Потом в один обыкновенный летний день Вова пошел на работу. В шесть часов Лена включила телевизор, чтобы посмотреть новости, и увидела картинку – Шеварднадзе прилетел в Сухуми, а рядом с ним – Вова. Тяжелая оказалась поездка... Ехали на два дня, а оказалось – на десять. Под обстрел попали, чуть не погибли... Оба раза Вова летал с Гоги Цагарели, замечательным фотомастером, и тот сделал потрясающие фотографии. Был, например, снимок, где Толя Гордиенко бежит под пулями, согнувшись...

В начале 90-х закрыли туристическое бюро, где Лена проработала много лет гидом, и она, волей случая, тоже оказалась в Грузинформе. Вечерние дежурства, возвращение домой впотьмах, копеечное жалованье...

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Не был, как на ошупь возвращался сквозь чернильную тьму с вечерних дежурств в 94-м. За руку цеплялся плохо видящий коллега, и мы синхронно шарахались от редких прохожих, выныривавших вдруг из мглы. А они, в

свою очередь, шарахались от нас. Не забыл и костры ночных хлебных очередей рядом с проспектом, их неровный свет – единственный, при котором можно было различить номер, записанный на руке...»

Наконец гражданская война окончилась, но жить становилось все хуже и хуже. Чем кормить стариков и сыновей-студентов? Бесконечными хлебными котлетами? И, конечно, периодически вставал гамлетовский вопрос – уезжать или нет? Кстати, когда Юра и Леша поступали в университет, оба написали свободные темы. Председателем комиссии, по удивительному совпадению, опять был Дмитрий Чантуришвили. Он прочитал их сочинения и сказал: «Это наверняка дети Вовы Головина». А ведь сколько лет прошло...

Однажды во время уборки дома нашелся старый паспорт Вовиной мамы. И Вова решил довериться судьбе: «Отнесу его в израильское посольство, а там – как будет, так и будет».

Прошло какое-то время, и раздался звонок – готово приглашение на всю семью. Что же делать? Срывать детей с учебы? Оставлять родителей? А как они переживут зиму – с печками, свечками, дровами, керосином? И было принято непростое решение: Вова вывозит детей, а Лена остается помогать старикам – своим родителям и дяде Юре, как она называла свекра.

Шел месяц за месяцем. Лена таскала дрова и керосин, топила печку, стряпала. Потом у дяди Юры случился инсульт, начали лечение. Рядом с Леной все время были друзья – без них она бы не справилась... Слава богу, в тот период ее родители еще держались и даже ей помогали.

Добавим, что Ленин папа, Владимир Шахназаров, окончил тбилисский ИИЖТ по специальности «мосты и тоннели», был любимым учеником знаменитого Кириака Самсоновича Завриева. Воевал с первого дня войны до последнего. Начал войну минометчиком, закончил – командиром роты. Удостоен орденов Александра Невского, Красной звезды, Отечественной войны первой степени и множества других наград. После войны Завриев брал его в аспирантуру, но тут

партия бросила клич: строить Рустави. Для человека, который вступил в партию на фронте, призыв был руководством к действию. И он отправился не в аспирантуру, а на строительство Рустави. Потом работал в проектно-институте Грузгипрострой. Его не отпускали с работы до 80 лет. Да и потом он все время консультировал... Владимир Шахназаров прожил 94 года, а мама Лены, Людмила Тартышникова, выпускница экономического факультета ТГУ, – 92.

...А Вова с сыновьями тем временем налаживал жизнь в Израиле. В аэропорту Бен Гурион их встречал лучший друг юности, тбилисский журналист, а ныне – гражданин Израиля, Стасик Горелов. Его постоянная поддержка и помощь помогли освоиться в новой стране. Мальчиков сразу направили в кибуц. Распорядок там был четкий: день – учеба, день – работа. Леша работал в зоопарке, смотрел за животными, Юра – в яблонево-м саду, ухаживал за деревьями. Они полгода провели в кибуце и вышли оттуда с таким знанием иврита, что с легкостью поступили в Иерусалимский университет и продолжили обучение на факультете славистики. Между прочим, прославились тем, что единственные получили по исторической грамматике по 100 баллов. На вопрос, как им удалось получить высшую оценку по такому сложному предмету, братья откровенно отвечали: «О, в Тбилиси у нас был такой педагог по исторической грамматике!» Речь шла, конечно, о знаменитой Элеоноре Львовне Кремер! Кто знал – тот помнит.

Кстати, в один из приездов в Тбилиси Булат Окуджава, прогуливаясь с другом, вдруг остановился у первого корпуса университета и с испугом спросил: «А Элеонора Львовна еще преподает?» Выпускник филфака, Окуджава не понаслышке знал, что такое историческая грамматика в Тбилисском университете.

В Израиле Вова учился в ульпане и работал в типографии. Это была физическая работа – на прессе. Конечно, он трудился и как журналист – писал для «Общей газеты» Егора Яковлева в качестве собкора на Ближнем Востоке, для американской газеты «Русский базар», для израильских «Новостей недели», печатался в альманахе

«Иерусалимские страницы». Но прожить на гонорары было невозможно. Да и в Тбилиси надо было что-то отсылать. Поэтому и Вова, и сыновья работали еще и в охране. Это вообще в Израиле в порядке вещей.

Лена и дядя Юра пережили зиму, она его выходила, он уже начал ходить. И вдруг – обширный инфаркт. И все... Вова, конечно, примчался в Тбилиси... Это случилось в мае. А в начале августа Лена прилетела в Израиль. И влюбилась в Иерусалим навсегда. Она до сих пор не понимает людей, которые, хотя бы раз побывав в Иерусалиме, уезжают жить в другие города Израиля.

Первые три недели были счастливыми. Утром 21 августа 1995 года сыновья поехали в университет. Вова ушел на работу... И вдруг звонок. Говорят на иврите, Лена не понимает. «Рэга, рэга (минутку)», – говорят ей. Вскоре раздается голос врача, говорящего по-русски: «Только спокойно, ваши дети попали в теракт, они целы, но есть повреждения. Когда можно будет приехать, я вам позвоню». Проходит время. Звонок: «Можете приехать». У Юры и Лешки лица были изрезаны осколками, а в остальном – обошлось... В тот день произошел теракт-самоубийство в автобусе Иерусалима. Четыре человека погибли, более 50-ти – получили ранения...

Жизнь шла своим чередом. Появились прекрасные друзья. По субботам ходили то к Исааку с Клавой на плов, то к Стелле с Борей на галушки, то к Лене с Вовой на лобио и пхали.

Все, конечно, работали. Бывали такие дни, когда члены семьи просто не видели друг друга – уходили и возвращались в разное время... Случился у Головиных и один, весьма примечательный Новый год. Вова в новогоднюю ночь дежурил, а Лену вызвали в ресторан «Кенгуру», где она помогала друзьям-тбилисцам Давиду и Лине Цискаришвили. Лена освободилась под утро, вошла в самый первый автобус, который вышел на маршрут. В пустом автобусе сидел один пассажир – Вова. Они поздравили друг друга с Новым годом и поехали домой... Это было 1 января 2000 года.

А случилось и такое. Как-то Лена с Вовой договорились встре-

титься с друзьями в кафе, попить кофе. Но опоздали на пять минут. Если бы пришли вовремя, то все вместе сидели бы в кафе, где тогда же прогрехотали три взрыва. Когда рванул первый взрыв, Вова закрыл собой Лену и их подругу Берту, просто впечатав их в стену...

После этого Юру, который вдруг выиграл американскую грин-карту, но уезжать, в общем-то, не рвался, родители, можно сказать, просто выпихнули в Америку – вместе с его семьей. Сейчас у Юры и Юли трое детей. Старшие Алекс и Кэти – студенты университетов, младшая Натали – старшекласница, типичный гуманитарий, сочиняет стихи и сказки (может, в деда пошла?). В США Юра окончил вторую магистратуру – по банковскому делу, работал в «Бэнка оф Америка». Сейчас у него с женой, дипломированным бухгалтером, свой бизнес.

Леша же после Иерусалимского университета окончил компьютерный колледж, колледж туризма и курсы компьютерной графики, прошел непростой конкурс и был принят в огромную фармацевтическую компанию «Тева». Женился. Его бурная свадьба гуляла в Тбилиси, объединив израильских и тбилисских друзей. Правда, из пистолета никто не стрелял. Несколько лет назад он начал свое дело – организовывал туристические туры для израильтян в Грузию, проводил экскурсии на иврите. А теперь уже работает в израильско-грузинской фирме в сфере медицинского туризма. Старший сын Даник служит в израильской армии. Кстати, в боевых частях. А дочка Маша – ученица тбилисской школы – старательно выводит в тетрадке «аи иа».

У Головиных никогда не было разрыва с Тбилиси. Они регулярно приезжали в Грузию. И, наконец, вернулись окончательно. Вова почти сразу же начал публиковаться в газете «Разгадай кроссворд» у Вадима Геджадзе. Там и появились первые «Прогулки по Головинскому проспекту». Потом они с Вадимом придумали газету «Головинский проспект», которая просуществовала с 2005 по 2010 год. Тираж у нее был очень большой, и с каждой неделей становился все больше.

Надо сказать, что такого счастливого расклада Вова не ожидал. Приехав в Тбилиси, он даже не надеялся работать по профессии и поначалу думал устроиться в охрану... Но от Геджадзе ушел в одну секунду. Времена стали меняться, название газеты и ехидная «колонка редактора» вызывали неоднозначную реакцию. Однажды Вова пришел в редакцию и увидел, что газета переименована, а мнение редактора никого не интересует. Он тут же хлопнул дверью. Он хорошо умеет это делать – так же, как это умел его отец.

Без работы Головин, конечно, не остался. Его сразу же пригласили в «Русский клуб», и вот уже много лет его публикации украшают страницы журнала. За эти годы Вова написал много книг, получил не одну литературную премию, стал членом Союза писателей Грузии...

Сами понимаете, насколько это неблагодарное дело – рассказывать о книгах, очерках и стихах, написанных талантливым человеком... Их просто надо читать. Тем более в этих произведениях все тот же юношеский азарт, молодая душа, цепкий взгляд и та прекрасная самобытность, благодаря которой авторство Головина, как «по когтю», распознаешь мгновенно. Читайте, наслаждайтесь, молодцы!

Премии – это, конечно, прекрасно. Но это не самое главное. «На самом деле ему ничего не надо, – объясняет Лена. – Вове просто надо писать. Ему доставляет удовольствие сам процесс написания – подобрать слова, выстроить фразу. Если у него получается, то ему хорошо, он доволен жизнью... В этом смысле Вова очень легкий человек. Главное – чтобы пришла идея, а он бы ее записал. Все!»

Как уже было сказано, свое первое классное интервью Владимир Головин взял у Юрия Никулина. У Юрия Владимировича было свое определение счастья: «Счастье – это когда утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой». Сеем сказать, что Владимир Головин счастлив. На работе его ждут любимое дело и любящие коллеги. Дома – любимая семья. Вы уже подсчитали? – через два года мы поздравим Головиных с золотой свадьбой!

А знаете, кто еще с нетерпением дожидается Вову Головина с работы? Цитируем: «Его Хвостейшество барон фон дер Брыль, он же – Конрад Карлыч Михельсон, он же – гражданин Кацнеленбоген, он же – Мордасов, он же – Котюня Котюхин и прочая, прочая, прочая. А в просторечии – котик Котик, на государственном языке – Котэ».

Скажем вам по секрету, никто и никогда не слышал, чтобы Вова, обожающий сыновей и пятерых внуков, сюсюкал с ними. А вот с котом... О, это отдельная тема! Его Хвостейшество, единственный в мире, свободно манипулирует Владимиром Георгиевичем, и он с удовольствием подчиняется!

Наверное, самое главное в жизни и творчестве Владимира Головина – это надежда. Ее ослепительный свет никогда не гаснет – он вдохновляет, воодушевляет, дарит силы всем, кто общается с Вовой и читает его строки. Например, такие:

*И в сердце, жить надеждой смеющем,
вдруг ощущаешь каждой клеткою
зеленый лист, победно реющий
над скинувшию серость веткою.*

Ноябрь 2020

ЧЕЛОВЕК, СБЕРЕГАЮЩИЙ ИМЕНА

*Дорога в прошлое короче,
когда берет она исток
в тех именах, что ты сберег,
боясь хоть чем-то опорочить...
Там время тронуть не успело
Названия «АРТО» и «СТЕЛЛА»,
там под окном играют в «кочи»,
аптека Земмеля на месте,
хлеб продается в «Резинтресте»,
и теплым ветром пахнут ночи...*

Владимир Головин

Что-что, а память у Головина всегда была отличная. И благодарная. Он не забывал ни книг, ни фильмов, ни песен, поразивших его когда-то. Их создатели оставались рядом на всю жизнь, наравне с реальными близкими людьми, родителями, друзьями... И о каждом ему хотелось написать.

«Все мы родом из детства» – эта фраза его любимейшего Антуана де Сент-Экзюпери может кому-то показаться слишком часто употребляемой, но для Вовы она была аксиомой. Потому и возвращал-

ся он так часто к этой «дороге в прошлое» – чтобы набраться сил и убедиться, что никому там, позади, не будет стыдно за написанное им. Да, острого на язык и такого самоуверенного с виду Головина это очень волновало. «И когда вглядываешься в эти лица, вот так, глаза в глаза, стыдно чего-то бояться, впадать в уныние, совершать что-то неблагоприятное. Потому что понимаешь, кто стоит за тобой» (из книги «Головинский проспект»).

И точно так же ревниво и упрямо, как имена дорогих людей, Головин пытался сберечь, не отдавать прошлому Город, Тифлис-Тбилиси – «со всеми его колоритными слободами и разноязыкими районами, завораживающими традициями и раскачивающими душу мелодиями». «Головинский проспект» – это объяснение в любви горожанам всех времен.

Когда Вову хвалили, он довольно бормотал: «Учителя были хорошие». Да, в этом ему повезло. И в школе, и в ТГУ, на факультете журналистики. Любимые лекторы – Гоги Джавахишвили, Марк Кипнис, Григорий Мулкиджанян... Ну, а уж когда он попал на практику в Москве в руки Эдуарда Церковера... Легендарная личность. Один из лучших репортеров и интервьюеров второй половины XX века, в течение тридцати лет – бессменный редактор отдела информации известной «Недели», создатель и автор рубрики «Гость 13 страницы» (более 500 интервью!). «При Церковере репортеры сходились в его комнате, делились новостями, сплетничали, хохмили, злословили в адрес начальства, но все это, тут же, превращалось в неформальный творческий семинар, в обкатку замыслов и задумок, в обсуждение «ходов» и «поворотов». Писать, да и жить без поворотов и ходов считалось непростительным казенным занудством», – так вспоминали о нем коллеги.

Пройти школу Церковера и получить от него похвалу было невероятным счастьем для студента Головина. Недаром он вспоминал этого человека всю жизнь.

И, конечно, несомненной удачей было работать уже позже под началом Теймураза Степанова-Мамаладзе. Удивительно, но дирек-

тором информационного агентства «Грузинформ» был назначен не какой-нибудь партийный босс или администратор, а талантливый, всем известный журналист, работавший ранее в газетах «Вечерний Тбилиси», «Заря Востока», «Молодежь Грузии», успевший побывать собкором «Комсомолки» и редактором отдела литературы и искусства. Спецкором ТАСС и «Комсомольской правды» он освещал чемпионат мира по футболу-1982 и написал о своих впечатлениях великолепную книгу «Танго Испания». Под его легким пером родились и другие книги: «Грузия», «Ты лоза моя», «Большая Грузинская»... Потом он станет помощником и спичрайтером Эдуарда Шеварднадзе. А когда тот возглавит советский МИД, Темо будет участвовать в дипломатических переговорах на высшем уровне. А затем опять вернется в журналистику и по приглашению Игоря Голембиовского будет работать в газете «Известия» и в «Новых известиях».

Но это все потом. А пока он – директор «Грузинформа», живет в родном городе и пишет о нем: «Я не знаю, что такое «тбилисский феномен» и в каких категориях о нем рассуждать. Может быть, это действительно миф. Только не следует забывать, что мифы на пустом месте не возникают... Если вы жили здесь с рождения, нет смысла объяснять – это у вас в крови. Если не жили, тоже нет смысла – не поймете, не схватите... Я ощущал это – полное совпадение с моим городом... Мне легче жить, когда я могу позволить себе быть тбилисцем».

Как складываются его отношения с подчиненными? Кто-то из сотрудников написал шуточные, но весьма ехидные стихи о директоре. А кто-то услужливо передал их ему. На следующий же день Темо дал такой блестящий ответ (естественно, стихотворный), что «Грузинформ» ахнул. Вот такие неформальные отношения...

«Именно Темо в феврале 83-го сообщил подчиненным, что «сверху» ему стало известно о приезде Булата Окуджава, который ни с кем не хочет встречаться, не даст ни одного выступления, – писал Вова в очерке «Один день Булата Шалвовича». – И что он, Темо Степанов, почтет за честь встречу с поэтом – свою и своих сотрудников.

И сделает все, чтобы эта встреча состоялась... Уж не знаю, как Степанову удалось по телефону уговорить Булата Шалвовича... Была обещана камерная, почти семейная обстановка, без журналистских попыток влезть в душу, без банальных вопросов...

В гостиницу к поэту был отправлен Вова, т.к. прежде он уже делал с ним интервью. Отправлен с заданием обаять, уговорить, еще раз пообещать, что людей будет мало, и сопроводить в редакцию. Это было нелегко. Поэт пребывал не в лучшем настроении: он тайно, неофициально приехал в Тбилиси – отдохнуть от всех московских неприятностей, связанных с нашумевшим опальным сборником «Метрополь», одним из авторов которого он был. Не исключал и вероятность осесть в Тбилиси на длительный срок. «Да вдобавок ко всему, он был еще и простужен. И в толстом кашне, пушистым калачиком свернувшимся над чуть великоватым кожаным пальто, напоминал на пронизывающем февральском ветру нахохлившуюся птицу – то ли независимого воробья, то ли ненадолго притихшего дрозда...», – вспоминает Головин.

А тем временем в редакции, вопреки обещанию, уже толпились люди (Тбилиси – город, где утаить что-то невозможно!), журналисты разных редакций готовили микрофоны... Назревала явная неловкость. Но из рассказа Головина мы узнаем, что все разрешилось чудесным образом: то ли журналисты оказались на высоте (ни одного бестактного вопроса), то ли искренность Булата, почувствовавшего, как он интересен собравшимся, заворожила всех, то ли «воздух Тифлиса, пронизанный человечностью и откровенностью, пробился сквозь запотевшие стекла, как всегда сотворив маленькое чудо – чудо сопричастности друг другу... Каждый его ответ становился мини-рассказом. Может, ему надо было выговориться?»

Встреча продолжалась долго, он все никак не мог уйти – «соглашался на очередную пару автографов, не отказывался сфотографироваться на память, узнавал поседевшего однокурсника... Этот человек в лихо распахнутом пальто так отличался от того, сгорбившегося, поверх пальто укутанного в кашне... У него потеплели глаза – явный

признак того, что теплее стало и сердцу. И это – пожалуй, главный итог импровизированной встречи».

И заканчивается рассказ любимыми Вовой строчками из стихотворения Окуджава о Тбилиси его юности:

*Там мальчишки гуляют, фасоня,
по августу, плавают в нем,
и пахнет песнями и фасолью,
красной солью и красным вином.
Перед чинарою голубою
поет Тинатин в окне,
и моя юность с моей любовью
перемешивается во мне.*

Этот рассказ был напечатан в журнале «Русский клуб». Работу в журнале Вова считал еще одним неожиданным подарком судьбы. Это была работа среди единомышленников и друзей, возможность писать о том, что хочется, без давления свыше. Эрудит и глубокий знаток культуры, редактор Саша Сватиков предложил идею «литературных прогулок» – рассказов о любимых поэтах, писателях, художниках и музыкантах на фоне родного района Сололаки. Ведь именно этот район традиционно принимал гостей с 19 века, именно здесь зарождалась уникальная дружба грузинских, русских, армянских, азербайджанских, украинских и многих других деятелей культуры. И таким удовольствием было копаться в архивах, «зависать» в интернете, разыскивая все новые факты встреч, пересечений, взаимопомощи этих талантливейших людей, вновь и вновь читать их воспоминания о Тбилиси! Так появилась книга «Завлекают в Сололаки стертые пороги», которая вызвала молниеносный интерес, завоевала известность далеко за пределами Грузии и стала библиографической редкостью.

Один из отзывов на книгу был получен, например, из Дании – его прислала Ольга Скорочкина, театральный критик, кандидат искусствоведения, лауреат премии имени А. Кутеля как лучший театральный критик года. С удовольствием цитируем: «Мне очень повезло с

этой книжкой. Очень. Она нашла во мне самого благодарного и внимательного читателя. До нее самыми моими любимыми «краеведческими книгами» были книги Петра Вайля «Гений места» и «Карта родины». Теперь будет тбилисская. Сколько улиц, судеб и голосов автор озвучил – с дотошностью историка и с вдохновением поэта. В его письме угадывалось, что человек, наверное, пишет стихи, слишком хороша его речь. Посмотрела на задней странице обложки: и точно! Спасибо ему! Влюбилась во всех его героев, некоторых не знала, теперь не забуду. С этой книжкой можно «гулять» тбилискими улицами, даже находясь за тысячи километров. Нету разлук и расстояний – когда так много можно выразить в слове».

Потом география «прогулок» расширилась до «нестандартного путеводителя» – книги «Спешите в Тифлис...», где, «по пройденным адресам прозвучали 206 имен, связывающих грузинскую и русскую культуры».

За эти годы Головин обрел новых прекрасных друзей – и работающих с ним бок о бок, и приходящих в журнал авторов...

Когда Вову спрашивали, какие главные качества привлекают его в человеке, он отвечал: талант и искренность. Когда встречал талантливых людей, радовался, как ребенок. В нем вообще было много детского. Сделать счастливым могла любая необычная ситуация. В его памяти долго сохранялась картинка: ему лет девять, тбилиское жаркое лето, он сидит на прохладных ступенях лестницы, ведущей в полуподвальную квартиру бабушки на улице Кереселидзе. Читает Майн Рида. Рядом – тарелка с вишней. Почему-то – ощущение счастья. В доме напротив, в окне, девочка читает книгу. Они смотрят друг на друга. Все. А лет пять назад Вова вернулся радостный: «Я нашел ее! Она оказалась нашей Паолой!» Да, это была Паола Урушадзе, которую Головин считал лучшим русскоязычным поэтом Тбилиси. В тот день, в разговоре, они оба, вспоминая детство, назвали улицу Кереселидзе, сверили номера домов, уточнили, что она вечно сидела в окне с книжкой... Вова был счастлив. Сюжет завершился! Не зря помнилась картинка – девочка в окне оказалась не какой-нибудь

мымрой, а человеком, в котором он ценил талант и искренность!

Талант дружбы – тоже талант. И талантливыми были все его друзья.

Основа основ, начало всех дружб – тбилисский двор. Недаром ему посвящено столько стихов и песен.

Представим себе двор середины 60-х, улица Чайковского №3. Шум, гам, разбитые окна – тренируется футбольная сборная улицы, состоящая из соседей и одноклассников. Нападающий – голубоглазый Арчил Рухадзе, спортсмен и гитарист. Его обходит хохмач и весельчак Левочка Степанов, наперерез бросается красавец Эдик Меликян, Вова Головин нервничает в воротах... А вот и альтист Толик Данелян спешит на помощь... Из окошка дома напротив за этим действием наблюдает Таточка Барская, первая красавица класса и вообще – «свой парень». Пройдет много лет. Каждому из них предстоит очень нелегкая жизнь, особенно в 90-е годы. Они пройдут все, не жалуясь и не забывая друг о друге. И при первой возможности, при первом зове будут ехать, лететь, мчаться, вопреки всему – сюда, в Тбилиси, уже из разных стран: Израиля, России, Венгрии... Чтобы помочь друг другу.

Этап следующий – университет. Сильнейший и дружный курс. Один из друзей, Валерик Асатиани, станет даже министром культуры. А потом будет преподавать в родном университете античную литературу. Между прочим, и Вовиным сыновьям, с радостью узнавая в них «головинские» черты. Миша Джинджихашвили, Толик Гордиенко, Андрей Белявский станут известными журналистами. Дима Цитланадзе будет хорош в любой роли – в журналистике, в профсоюзах. Лазарос Зафиридис станет заметным человеком в греческой общине... Рамзийка Гаджиева, Тома Кабоснидзе и Ира Купарадзе, отвлекаясь от собственной работы, будут по-прежнему «вытаскивать» друзей из всех переделок сложных времен. И все регулярно будут пересекаться в знакомом доме на улице Чайковского №3. Вовином доме. Там же будут собираться экскурсоводы Тбилисского бюро путешествий – Нодар Арутюнов, Ашот Татевосян, Эмиль

Кшечковский, Гито Каландадзе, ставшие совсем родными, и кибернетики-компьютерщики Слава Кочергин, Тамаз Татарашвили, Николаша Норакидзе, способные переспорить всю гуманитарную и литературную братию... Места хватало всем. Ну, а если нет, уже на ступеньках, ведущих из одной комнаты в другую, усаживались со всем «свои» – ближайшие друзья, которые были рядом ежедневно, с ранней юности: Отар Капанадзе и Алик Галустян.

Как Вова хотел написать о каждом из них, сбересть все имена! И не только потому, что для этой компании девизом была фраза Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». Но и потому, что все они были настоящими профессионалами в своем деле. И Вова ими очень гордился. В самые трудные для Грузии и ее жителей времена – «смутные девяностые», эти люди, каждый на своем месте, делали все, что могли. Журналисты, освещая бурные митинги, «тбилисскую» войну, войну в Абхазии, землетрясение в Армении, постоянно рисковали, мотались по командировкам... Миша и Толик, вернувшись из Спитака, рассказывали, что ничего страшнее в своей жизни не видели... Дима Цитланадзе в профсоюзах постоянно отвоевывал чьи-то права на работу, что в неразберихе того времени стоило больших нервов... Лазик Зафиридис «встал у истоков первых общественных греческих организаций, помогал соотечественникам выбивать у власти разрешения уехать на историческую родину. Заработав на этом инфаркт, по-прежнему не жалел здоровья, не берет нервов...» («Головинский проспект»). Отар Капанадзе, тоже выпускник филфака ТГУ, ставший «архивариусом» – начальником архива МВД Грузии, бросился в огонь, когда в тбилисской войне 1991-1992 годов пламя охватило МВД и архив – горели задокументированные судьбы десятков тысяч людей. С одним (!) из сотрудников он проник в подвальные помещения через проход, расчищенный в руинах, чтобы спасти что успел – поэшелонные списки репрессированных выселенцев из Грузии в Казахстан. Пришел на Чайковского к Вове – грязный, обожженный, все повторял: «Понимаешь, каждая бумажка – чья-то поломанная судьба, чья-то погубленная жизнь!» Три года

ушло, чтобы восстановить пофамильную картотеку спецпоселенцев – ни условий, ни людей для работы не было. Но зато потом, после принятия Закона о реабилитации, эти люди (или их дети) смогли получать пусть небольшую, но пенсию. Они рассказывали, как с опаской приходили в МВД (а чего хорошего они могли ждать после всего пережитого?). Как их встречал неожиданно интеллигентный человек. Пожимал руку и вручал справку. И просил прощения. Уже неизвестно, от имени какой власти... Или от себя лично? Это был наш Отар.

Позже появилась идея написать на основе подлинных архивных документов и интервью книгу о репрессированных из Грузии. А их за десятилетие с 1941 по 1951 годы было десятки тысяч!

Холодная зима 1998 года... С отключениями света и воды, с печками и проблемами выживания. Кибернетик Тамаз Татарашвили, узнав об идее книги, сказал: «Будете набирать тексты у меня в офисе! Компьютеры есть! Правда, у нас очень холодно». Никогда не унывающий, всегда полный идей и планов, Тамаз умудрился в эти годы создать востребованную консалтинговую фирму, где юристы, экономисты, программисты и прочие специалисты помогали людям, давая ответы на все вопросы. И тогда у друзей родилась новая идея – сделать еще одну книгу: собрать сборник стихов и песен Вовы Головина. Который в то время был уже в Иерусалиме. И понятия не имел, что в его доме на Чайковского идет поиск по всем ящикам письменного стола листочков со стихами – начиная с тех школьных и институтских, что напевались когда-то под гитару. Кто-то приносил найденные у себя дома стихотворные «подарки», кто-то вспоминал наизусть... Слава Кочергин взялся за самое сложное – делать верстку, ну а вычитывали все по очереди. Дима Цитланадзе и Отар Капанадзе писали вступление к сборнику стихов... Аня Шахназарова и Миша Ляшенко, необыкновенные энтузиасты, которые в те же годы собирали в литературное объединение талантливых школьников, вели с ними занятия, издавали их первые книги, т.е. имели опыт, помогали, как могли. В итоге появились две книги: «Времена

не выбирают» – о репрессированных из Грузии, и «По улице воспоминаний» – стихи и песни В. Головина. На обеих дата – 1998 год.

Вова в очередной раз на недельку прилетел в Тбилиси. Ну, встречают его в аэропорту друзья, ну, вручают какой-то пакет, перевязанный старой бечевой, обернутый в пожелтевшую газету 1960 года... Зная их шуточки, он с опаской разворачивает его... И замирает. Понимая, что это – первый в его жизни изданный сборник стихов.

Гордиться друзьями – самая большая радость в жизни. Две очень любимые Вовой школьные подруги, Марина Корганова и Люся Куценко (Марина – свидетельница на свадьбе!), на вопросы знакомых из других стран: «А как выживают ваши друзья в Грузии?!», отвечали: «О, они издают книги, создают литературные и поэтические объединения, в общем – творят!» Так и выживали. Все вместе.

Отар Капанадзе в последние годы писал воспоминания о тех временах, о друзьях... Есть там и о Вове: «Но было бы ошибкой думать, что мужик, пишущий стихи, это такое аморфное создание, смотрящее на звезды и, как сказал поэт, «облако в штанах». Отнюдь. В одном из стихов Вова писал: «...хребет мой не гибок». Точнее не скажешь. Это человек с нестигаемым стержнем, перешибить который невозможно (кстати, многие пытались – не получилось). И большого личного мужества. Головин и юмор ходили в одной упряжке. Он бесподобно копировал дорогого Леонида Ильича и является кладезем анекдотов. И вообще любит повалять дурака. Несмотря на легкое заикание, тамада он великолепный. Многолетний стаж грузинского застолья сделал его достойным предводителем Кавказского стола. А перепить его практически невозможно. Трудно определить, когда он пребывал в сильном подпитии, что, правда, бывало крайне редко, а сегодня уже и не солидно, поскольку, как говорится, своя цистерна уже выпита, а новую открывать не имеет смысла. Но те декалитры, которые были выпиты по адресу: ул. Чайковская, дом №3, хранит память народная...». Вова прочитал, хмыкнул и сказал: «Ну, я ему отвечу. Письменно!» Не успел...

Они ушли с разницей в три дня, из разных больниц.

Любимый Вовой Геннадий Шпаликов писал: «Страна не пожалеет обо мне, но обо мне товарищи заплачут». Вот уже год, как Головин не бродит по своему любимому Сололаку, не морщит лоб перед компьютером, пытаясь вновь и вновь восстановить связь времен, рассказать о каких-то замечательных людях, вспомнить «самые важные» события – то веселые, то печальные... А друзья или просто хорошо знавшие его люди продолжают приходить в его дом, звонить, писать в интернете, вспоминать какие-то случаи, встречи.

Вот текст, который можно назвать «письмом год спустя» – он от тех самых друзей-одноклассников, которые гоняли когда-то футбольный мяч на улице Чайковского №3:

«Все остается в памяти... Но очень больно, вспоминая друзей, писать слово «был». Да, Вова, ты прав – это особенный район Сололаки, о котором ты написал так много, создал нашу необыкновенную дружбу. Историческая 43-я школа, наш класс, детские шалости и взрослая верность друг другу – казалось, все это будет продолжаться долго-долго... Потом студенческие годы, выбор профессий, создание семей... Но всегда – вместе, то на Чайковского, то на Цхакая, то на Энгельса. Все пути вели сюда, все знали друг о друге все. Мы были еще студентами, когда твой папа, дядя Юра, сделал нам презент – устроил летом в Батуми на спортивную базу «Динамо». Всю компанию – шестерых друзей. Жили почти на пляже. Сколько было радости и веселья – упивались свободой! Сначала позволили себе приезд в купейном вагоне и обеды в «Интуристе», потом перешли на аджарские хачапури в «Доме чая». По мере истощения бюджета скатились до пива с черным хлебом и общего вагона на обратный путь... Эх, молодость, молодость!

Но и повзрослев, мы понимали друг друга с полуслова. Вы с Леной всегда были первыми в списке приглашенных на наши с Галей концерты и выставки. У нас дома лежат подаренные тобой книги... На одной из них надпись: «Символам музыкальной души Тбилиси, Галочке и Толику с любовью!» Такая оценка нашей работы дорогого стоит! Нам было легко вместе – у тебя с Леной, как и у меня с Галей,

все было построено на общих интересах, на единомыслии. При первой возможности наша компания собиралась вместе – под любимые песни Арчила с гитарой, под твои анекдоты и общий хохот. На этих застольях мне нравилось наблюдать за тобой и Галей, которые умудрялись под нашим с Леной пристальным взглядом стащить друг для друга соленья, хотя вам это было категорически запрещено врачами...

Ну что, дорогой. Читаем твои книги, стихи, читаем между строк... Твой индивидуальный, редкий стиль повествования, фантастическая эрудиция, тонкий юмор... Остались великолепные дети, внуки. Жизнь прожита не зря. Любим. Ценим. И очень скучаем».

Это написал ближайший друг и одноклассник Толик Данелян, ныне известный музыкант, альтист Тбилисского симфонического оркестра им. Джансуга Кахидзе. Он и его жена, великолепная скрипачка Галина Бандура – создатели трио «Браво», хорошо известного далеко за пределами Грузии. Постоянные концерты, выставки (часто благотворительные), работа с учениками музыкальных школ – не только с будущими «звездами», но и с «особенными детьми»... Головин восхищался их талантами и энергией и уже обдумывал, как бы построить рассказ об этой «музыкальной душе Тбилиси». Увы...

Но многих друзей он все же успел сделать героями своих книг. Рассказ о необыкновенной семье Рамзии Гаджиевой Вова начинает словами Иосифа Гришашвили: «Не вчера породилось разноплеменное тбилисское население. Душа у города была одна, и говорил он на едином своем языке»... Вот выходец из традиционной азербайджанской среды влюбляется в юную басконку, вывезенную вместе с другими детьми в 1937 году из Испании. Вот он приводит ее, 16-летнюю, к своим строгим родственникам, женится на ней. А вот и трое детей с испанскими именами и азербайджанской фамилией вырастают в семье, где отец-мусульманин, а мать – католичка. И плывут над ароматным азербайджанским пловом чарующе-экзотичные для Ортачала названия «Дуранго», «Бискайи», «Бильбао». И одинаково хорошо говорят в этой семье на азербайджанском, грузинском, ис-

панском, русском, армянском... В смутных девяностых глава семьи погиб, защищая от грабителей доверенные ему документы. Мы с друзьями, представляющими пять национальностей, приходим к нему на мусульманское кладбище – положить цветы и, по обычаю его веры, постучать камешком по надгробию...» («Головинский prospect»).

Однокурснику Диме Вова посвятил одну из глав «Головинского» – «Семейный фаэтон»: «Эта прогулка мне особенно дорога – я проделал ее вместе с другом юности Димой Цитланадзе. Разноцветные вспышки огней озаряли наш фаэтон, когда мы уносились в прошлое его семьи, где несколько поколений бесстрашно создавали волшебное действо под названием фейерверк. И искорки фейерверка отражались на всем, что делал Дима. Талантливый журналист, он с одинаковой легкостью писал и блестящие литературные рецензии, и острые материалы. А уж рассказчиком был просто замечательным – остроумным, ярким. Мы рассматривали его семейные фотографии, удивлялись невероятным поворотам судеб, смеялись над забавными историями. И не знали, что это путешествие станет для нас последним общим делом... С сентября 2007-го друзьям Димы больно смотреть на фейерверк. И не хватает его умного, все понимающего взгляда из-под очков, тонкой иронии, потрясающей эрудиции. Невозможно привыкнуть, что он уже не позвонит за полночь: «Старик, у меня есть идея!» Потому что для нас он по-прежнему жив. В памяти, в душе... так пусть в этой прогулке ничего не изменится».

Да, Вове пришлось пережить многих друзей. Слишком рано стало уходить это поколение, прошедшее слом эпохи, революции и войны. И каждый раз, сжав зубы, он вновь писал о своих друзьях – пусть вслед, пусть в интернете, чтобы так сохранить их имена... Толик Гордиенко, Нодар Арутюнов, Эдик Атоев, Арчил Рухадзе, Тамаз Татарашвили, Николаша Норакидзе, Слава Кочергин... Они были очень разными, самобытными, яркими и верными... Дай Бог каждому таких друзей!

И Вову радовало, что у сыновей друзья – не хуже. «Их отношения

не очень-то и отличаются от наших, – говорил он, – так же галдят, «подкалывают» друг друга, спорят обо всем... Так же умеют «держаться дружбу», даже на расстоянии, при первой возможности мчатся друг к другу». Способны они и на резкие повороты в судьбе, умеют рисковать и отвечать друг за друга, за близких людей. Так, Леша, проживший 24 года в Иерусалиме, вдруг сделал резкий, типично «головинский» разворот и вернулся в Тбилиси. Ну, не совсем вдруг – он увидел медицинский диагноз Вовы. Другьям объяснил просто: «Я же всегда говорил, что вернусь! А вы не верили». В самое ужасное «ковидное» время, когда объявили комендантский час и город был пуст, он умудрялся доставлять отца на ежедневные процедуры в клинику. Юра, вообще не обращая внимания на солидное расстояние между Лос-Анджелесом и Тбилиси, появлялся при первой необходимости, взяв на себя и финансовую сторону вопроса.

Но самое главное, что они делали ежегодно (и что было очень важно для Вовы) – каждое лето привозили внуков в Тбилиси. Каждое лето собиралась одна большая семья, и дети не стали «выросшими где-то далеко», а получились совсем «своими», родными. И так ждали этих летних каникул в Тбилиси! В городе, который они любят и знают. Когда врачи позволяли, сыновья устраивали и «выездные туры» всей семьей – в Грецию, в Испанию... где, конечно же, «личным гидом» была все та же подруга юности Рамзийка Гаджиева. Знакомым, гидам других групп, она гордо поясняла: «А это – моя семья!». И подрастающие Головины радостно спрашивали: «А у нас что, во всех городах мира родственники?» На что Вова отвечал: «Запомните, у нас все друзья – как родственники! И все родственники – друзья!» На том они и выросли. В каждом иногда угадываются не только черты родителей, но и характерные «головинизмы». Правда, гуманитарием пока стала только младшая дочка Юры – Натуля. Окончила школу и поступила в Институт кинематографии, на сценарный факультет. Куда и мечтала. Старшие, Алекс и Кети, уже окончили свои университеты и работают в крупных компаниях, работают увлеченно. А это – главное. Старший сын Леша, Даник, от-

служил в армии три года, как это положено в Израиле. А потом сразу примчался в Тбилиси, делился бурными планами... Но израильская трагедия 7 октября и война изменили все. Как и другие резервисты, он вновь надел военную форму и ушел. Когда его «сменили», вернулся к работе и вновь строит планы, в которых маячит, между прочим, и Тбилиси. Посмотрим. Во всяком случае, его младшая сестра Маша вполне комфортно чувствует себя в тбилисской 98-й школе, перешла уже в шестой класс, вся в друзьях и соответствующих возрасту радостях жизни... А еще все время любопытствует: а как это было в вашем детстве? А в детстве родителей? Хорошо бы, чтоб они запомнили и сберегли хоть что-то из того, что было дорого нам, и о чем так увлеченно писал их дед... Недаром же на первой странице «Головинского проспекта» мы читаем: «Сыновьям – чтобы помнили. Внукам – чтобы знали».

Вова никогда публично не объяснялся сыновьям в любви. Но последний сборник стихов собрал и издал к их дню рождения. С посвящением: «Сынам – на их общее столетие (50+50). Люблю. Горжусь».

Правда, в этом сборнике нет стихов про рыжего верного кота, который все еще спит на его кровати или сидит на письменном столе, рядом с фотографией Вовы. Хотя однажды Головин написал такое четверостишие: «Этот Кот меня переживет. Будет жить, как прежде, интересно. Но какую жизнь он изберет? У него их девять, как известно...»

К сожалению, у нас, людей, нет этих девяти жизней. Хотя по этому поводу, как утверждал Вова, можно и поспорить...

Сентябрь, 2025

ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ

Последний подарок хорошего человека. Эти слова повторяем мы – вслух или про себя – обнимая, годы спустя, старинных друзей и подруг, объединенные горечью утраты в дни прощания с дорогим сердцу и памяти человеком.

А друзей у Вовы Головина было не счесть – начиная с периодов ранней и поздней молодости (43-я школа, ТГУ), армейской службы, начала журналистской работы... Затем, в лихие 90-е – непростой период переезда с сыновьями в Иерусалим, встреча там со старыми друзьями-тбилисцами и обретение новых, возвращение в 2003-м в родной Тбилиси... И – постепенное и последовательное становление в качестве исследователя уникальной истории общественной и культурной жизни Тифлиса и Тбилиси, благодаря чему был опубликован целый ряд замечательных очерков и эссе о людях и событиях той эпохи, и это существенно пополнило нашу культурно-историческую антологию.

Слово «было» в отношении друзей возникло не только в связи с уходом самого Вовы Головина, но и потому еще, что многие из них поторопились уйти раньше – это и школьные друзья, и наши с ним и с Леной сокурсники и сокурсницы, и друзья, которых нам подарила жизнь... И для всех нас многие годы светил заветный маячок на

улице Чайковского и призывно звучал пароль «Лена-Вова» – здесь собирались друзья и в школьные, и в студенческие годы, здесь, кстати, в 1977-ом, мы отметили 5-летие окончания ТГУ.

Незабываемые два месяца офицерских сборов в палаточном лагере у подножия Большого Абула над Ахалкалаки летом 1970-го, по окончании военной кафедры ТГУ, две наши акции протеста. Ночью там было холодно, а спали мы на бетонных лежаках – пришлось командованию дивизии доставить в лагерь тюки с соломой и чехлы для матрасов. Вторая акция – безобразное качество черного хлеба, из мякиша которого мы лепили пепельницы: в столовой мы начали бить ложками по мискам, срочно приехал комдив (на сборах с нами был Саша Мжаванадзе, сын тогдашнего первого секретаря ЦК Грузии), было шумно и весело...

Вспоминая полувековой давности осень 1974-го, когда мы встретились на Руставели – Вова гордо катил детскую коляску и представил мне своих с Леной близнецов: «Юра и Леша – в честь первых космонавтов». В августе нынешнего года Вова и Лена отметили 50-летие сыновей, которым посвятили прекрасную книгу своих стихов «Я и Ты. Ты и Я».

Есть в грузинском языке емкое по значению слово «данатовари», ибо объединяет оно несколько понятий: это и наследство, и наследие, и потомство. Все эти три понятия напрямую связаны с тем, что оставил в этом мире Вова Головин: наследство, переданное сыновьям и впитанное ими – порядочность, благородство, дружба (друзья Юры и Леша по сей день вместе), любовь к родному городу, ибо, где бы они ни были, всегда стремятся вновь окунуться с головой в тбилисскую круговерть; наследие, накопившееся с годами в книгах, статьях, очерках и эссе; взлелеянное вместе с нашей всеобщей любовью Леной потомство – два сына, две дочери-невестки, два внука и три внучки!

Так уж сложилось, что пишу я эти строки 21 ноября – в День рождения Вовы Головина и – еще один знак судьбы – в День рождения младшей внучки Вовы и Лены – Машеньки, которую дед считал, раз-

умеется, самым большим подарком – «ничто на Земле не проходит бесследно»...

Андрей Белявский,
журналист

Я узнал Володю Головина на пике его тбилисской популярности, когда он редактировал газету «Головинский проспект» и издал книгу под тем же названием. Интригующее созвучие авторского имени со старотбилисским топонимом привлекало внимание и радовало слух. Как журналист, Володя почувствовал этот эффект и использовал его. Книжка, изданная в формате популярной в те годы «Роман-газеты», пользовалась большим спросом: помню, как московские грузины просили привезти ее из Тбилиси, и мне не без труда удалось раздобыть несколько экземпляров.

Потом я познакомился с историко-биографическими очерками В. Головина в журнале «Русский клуб», и это тоже была работа подлинного профессионала. Очерки прошли под тремя рубриками: «Зазывают в Сололаки стертые пороги», «Я трогаю старые стены» и «Те имена, что ты сберег». И во всех трех был слышен взволнованный, немного грустный голос старого тбилисца, всматривающегося в прошлое родного города и пытающегося сбегать в потоке времени имена лучших его сыновей.

Уверен, что Тбилиси ответит Владимиру Головину тем же – надолго сбережет в памяти имя превосходного журналиста и поэта, оставившего свой след на стертых порогах родного Сололаки.

Александр Эбаноидзе,
писатель, переводчик, публицист

Обидно и несправедливо, когда из жизни уходит человек в расцвете сил и творческих возможностей. Владимир Головин – журналист и литератор многогранного таланта.

Одна из ярких граней его творчества – Тбилиси, знание его истории, восхищенная любовь к этому бессмертному городу, воспроизводимые ярко и красочно, достоверно и убедительно, с присущими ему литературным вкусом и художественным дарованием. Можно сказать без всякого преувеличения: Володя Головин принадлежит к той плеяде вдумчивых и одаренных исследователей тбилисской истории, глубоких знатоков российско-грузинских культурных взаимосвязей, творчество которого расширяет горизонты каждого, будь то рядовой читатель или серьезный профессионал, кто пожелает углубиться в интереснейшие страницы родной истории. Спасибо ему за это!

Вадим Анастасиади,
главный редактор газеты «Вечерний Тбилиси»

Скорбят семья, друзья, коллеги, читатели. Скорбит Сололаки, который Владимир Головин увековечил. Он не просто знал каждый уголок, дом, балкон и подъезд родного района, он знал историю его обитателей – выдающихся, известных и самых обычных. Он чувствовал его дух, традиции и систему отношений, словом, целый мир, уникальный для Тбилиси, Грузии и даже за ее пределами.

Мы знали, что Володя преодолевает болезнь, но, казалось, раз он не жаловался и так стойко держался, болезнь как бы существует сама по себе, а Володя продолжает жить насыщенной жизнью, с редкой плодотворностью пишет, радуется сыновьям, внукам, друзьям. Юмор его стал более острым, порой горьким, но остался таким же неиссякаемым.

Я знала Володю с детства, «всегда» – по району, по общим знакомым. С семьей его супруги Елены Шахназаровой моя семья дружила на протяжении трех поколений. Ее семья, а потом семья Головиных, притягивала к себе людей, это был тесный круг, связанный со школой, университетом, любимым районом. В их доме ощущалась гар-

мония настоящей любви и легкости правильной жизни, легкости, которая требует стойкости, «правильности», воспитанной традициями поколений. И друзья – тбилисские и со всего мира – чувствовали себя в этом доме тепло и уютно. Это была на редкость полная, счастливая семья. И хотя сыновей-близнецов жизнь направила на разные континенты, родители, сыновья, невестки и их дети продолжали быть вместе – единым организмом. Это удивительно, и вызывает восхищение такая органика любви...

Когда скончался мой отец, Володя вел поминальный стол у меня в доме. И, хотя мой отец в последние годы жил в США, и Володя не знал его лично, он помогал в издании воспоминаний Анатолия Филина – воспоминаний тбилисского периода. И провел печальный стол так, словно знал этого человека. А сейчас не стало Володи. Части жизни моей семьи.

Он был такой неотъемлемой частью Тбилиси, так воспел его, что написанное Владимиром Головиным останется в истории. Но нам от этого не легче. Возникла пустота, которую никто не заполнит.

**Мария Филина,
профессор ТГУ**

Я не была с ним знакома очно. Но оказалось, что расстояние и жизнь в разных городах еще ничего не определяют, если есть общий, вдохновляющий на творчество интерес. Я зачитывалась эссе и очерками Володи Головина в журнале «Русский клуб», искала его посты в ФБ со стихами и всегда интересными публикациями. Потом случилось так, что мы с Володией все же слетелись, как слетаются птицы одного пера, на полях интернета. Володя попросил разрешения опубликовать главу из моей книги на страницах журнала, а позже – и подборку моих стихов – так мы познакомились. И тут случилась замечательная переписка. В итоге я получила от Володи ценнейший подарок – целую охапку его книг. А в них такая любовь, такая живая и трогательная интонация при-

частности к родному городу! Этой интонацией согреты живые рассказы о русско-грузинских культурных связях – по сути это серьезное культурологическое исследование, написанное доступным для всех языком.

Дорогие издатели журнала «Русский клуб» и его читатели, большая прекрасная семья Володи! Случилась непоправимая потеря. Ваша боль – моя боль. Вечная благодарная память замечательному человеку – поэту, писателю, журналисту и просветителю! Надеюсь, найдется молодой талант, который подымет выпавшее из его руки перо.

**Кора Церетели,
киновед, критик, сценарист**

Время жизни истекло. В ночь с 13 на 14 ноября 2024 года. Время жизни истекло – и Володя Головин покинул нас, не дожив неделю до своего 74-летия. Для меня это был очень болезненный шок. Уникален каждый человек, и даже животные уникальны. И каждый человек незаменим. Никто не занимает ничье место.

Уход Володи для «Русского клуба» – невосполнимая потеря для журнала и всего коллектива. Все, что делал Володя, было отмечено незаурядным талантом. Прекрасный журналист, поэт, прозаик, Володя работал много и успешно. Тбилисцы помнят его газету «Головинский проспект», которая пользовалась большой популярностью. Но особо хочу отметить его деятельность в журнале «Русский клуб» – это ежемесячные повествования о выдающихся людях, о событиях, об эпохе. Они содержат интереснейшие сведения, фактические подробности, все это изложено прекрасным языком, и читатель как бы воочию видит все и переживает все, что предлагает автор.

Трудно представить, что рубрики «Те имена, что ты сберег» не будет в журнале. Да, Володя сберег для нас очень ценные, во мно-

гом поучительные и интересные сведения. И сблизил ушедшие эпохи с нашей современностью.

Камилла Мариам Коринтэли,
поэт, переводчик

Много лет назад, в 2007 году, я принесла в редакцию газеты «Головинский проспект» небольшой рассказ – воспоминание об улице моего детства (Кирова, ныне Леонидзе), не очень-то надеясь, что он будет напечатан. Меня встретил приветливый, приятный человек. Выслушал, забрал материал, обнадежил и тепло распрощался. Это был редактор газеты Владимир Головин. Рассказ напечатали. С того дня началось мое тесное сотрудничество с газетой. Мои статьи регулярно стали появляться на ее страницах. А вскоре с помощью Владимира я смогла выпустить свою первую книгу. Со временем обычное знакомство переросло в искреннюю, теплую дружбу.

В этот скорбный для всех день хочу выразить глубокое соболезнование и сердечное сочувствие его семье, родным, близким, коллегам и сказать: «Спасибо тебе, Вова, за то, что открыл мне путь в журналистику, за твою поддержку, наставления, предоставленную возможность проявить себя на этом поприще. За твое любящее, доброе сердце, любовь к друзьям, работе, городу. Мы не будем говорить о тебе в прошедшем времени – ты навсегда останешься в наших сердцах настоящим, благородным, талантливым, улыбающимся Человеком с большой буквы».

Додо Ахведиани,
журналист

Мы познакомились с Володией Головиным, когда он еще был редактором «Головинского проспекта», а я приносила ему свои статьи. Работалось с ним очень легко и

комфортно. При всех своих заслугах (а их очень много!), он был дружелюбен, открыт и прост в общении. Потом сотрудничество продолжилось в «Русском клубе». А большая симпатия к нему, родившаяся в первый день знакомства, будет длиться всегда! Симпатия к человеку чести, редкой породы, самых высоких моральных качеств, к талантливому писателю и журналисту, к колориту и бриллианту Тбилиси! Именно такой Володя – уникальный! Ценила нашу дружбу, восхищалась его острым умом и потрясающим чувством юмора, отношением к семье, окружающим. У него был дар – любить и понимать людей.

И сейчас перед глазами – улыбка Володи, его умное, доброе лицо. Нет, не буду прощаться. С болью, любовью, благодарностью в душе всегда буду помнить. Тбилисский Сололаки, по улицам которого я часто хожу, навсегда связан с ним. И там мы опять машем друг другу рукой при встрече, с одной улицы на другую, и желаем доброго и счастливого дня...

**Медея Амирханова,
журналист, литератор**

Владимир Головин для меня – и учитель, и уважаемый автор, и дорогой респондент. Не хочется верить, что мы уже не сможем увидеть его новых работ. Книги, газеты, статьи, интервью... На этом мы росли, учились любить свою профессию и делать свое дело. Но с нами навсегда останется то, что Владимир создал за свою долгую жизнь в профессии. Путь был сложным и интересным. Теперь каждая его книга и статья – реликвия, материал для трепетного изучения, напоминание о том, как нужно любить свой город, страну, людей и историю. Царствие небесное и вечная память!

**Михаил Робакидзе,
журналист**

Мы познакомились в 2006 году, когда я написала в газету «Головинский проспект» рассказ о бабушке, а Володя сказал: «Пиши!» У меня тогда была другая жизнь, далекая от журналистики, а прежние публикации в «Молодежи Грузии» и все мечты остались в прошлом. И вдруг... Я так вцепилась в эти слова – «Пиши!», как будто мне вернули саму себя, и почувствовала себя счастливой. Вам когда-нибудь дарили вдохновение? Володя мне его подарил, и всем лучшим и любимым, что у меня написалось, я обязана в первую очередь ему. Оказалось, мне было о чем рассказать, и один за другим родились правдивые истории, персонажи, самые разные, из прошлого и настоящего, человеческие и четвероногие. К последним Володя относился трепетно, в чем мы абсолютно совпали. Иногда под моим постом в фейсбуке об очередном несчастном, никому не нужном блохастике появлялось всего одно сердечко, и я знала, от кого оно. Как и под семейными историями, которые все уже читали, но которые мне дороги, и хочется их повторять, рассказывать и так поминать родных. Володя перечитывал и оценивал их снова и снова, потому что и ценности наши совпадали. Всегда говорила, что лайки неважны, но, оказывается, важны. Хотя бы для того, чтобы знать, что дорогой человек жив, и он рядом.

Мне бесконечно больно. Я буду скучать, беречь в сердце память о Володе Головине, этом талантливом, добром, любящем семью, друзей, зверей человеке, его бесконечном внутреннем мире, и о нашем красивом, светлом, полном радости и смеха общении. И каждый раз, как ко мне придет вдохновение, прежде чем начать писать, я вспомню и поблагодарю. Светлая память.

Анаида Галустян,
литератор

Владимир. Вова Головин. Гедонист, весельчак, балагур, остро слов, иронист, порой склонный к сарказму, но – при весьма серьезном отношении к моральным императи-

вам, что, может, не всегда обращало на себя внимание за потоком острот, за способностью легко общаться, легко располагать и крепить отношения. Это был несомненный талант общения и дружбы, создающий вокруг себя и, шире, вокруг дома, зону притяжения. Его удивительным образом хватало на всех и на все, в том числе на повседневную неустанную творческую работу. А еще и на стихи, в которых оставили след время и времена. Время – вообще категория, занявшая заметное место в его поэзии, – он чувствовал и понимал его драматичность, тем не менее писал со свойственной ему игровой легкостью. А еще и чувство места, о чем следует писать отдельно.

Но не только – есть еще одна важная ипостась... К счастью, успел состояться совместный с супругой Еленой Шахназаровой сборник «Ты и я. Я и ты». И главным послекусием или даже открытием оказалось несколько подзабытое в нашу беспокойную эпоху, оживающее в этой книге естественное, человеческое или очеловеченное отношение к жизни на «земле людей».

Продолжим строкой его тезки и любимого автора, произносимой, в этом случае, на полном серьезе: «И отличный семьянин». Добавим очевидное: семья – это тоже область созидания, где Владимир так же состоялся, как и на всех остальных поприщах.

И, наконец, частное наблюдение: кто-то из провожавших Володю, глянув на пришедших проститься с ним, обронил: «Тбилисская русская интеллигенция...» А другой продолжил: «...и в полном ее составе». И образовавшуюся брешь в этой цепочке, увы, прикрыть нечем...

Спасибо за все, что оставил нам этот многогранно одаренный, веселый, добрый человек!

Анна Шахназарова,
литературовед, издатель
Михаил Ляшенко,
поэт, издатель, художник

Сегодня в Тбилиси умер мой друг Володя Головин, Вовка. Первый раз я увидела его лет 40 назад, когда впервые приехала в Тбилиси и попала в неприятную, казавшуюся опасной историю. И меня повели в дом на улице Чайковского, к незнакомым людям, вроде бы журналистам, а там Бог весть. И я пошла на авось, и дверь открыл Вовка, большой, громкий, надежный и совершенно свой. И с тех самых пор дом Головиных, дом открытых дверей и безусловного счастья, стал моим тбилисским домом, сначала на Чайковского, потом на Леонидзе, и Ленка, и их близнецы, и их друзья. Сколько за эти годы было выпито кофе и вина, сколько выкурено сигарет, сколько наговорено и набормотано. Вова и Ленка дарили мне сокровища Сололаки, водили по Тифлису Мандельштама, Гумилева, Бальмонта... У меня много Володиных книжек, последняя, которую он мне подарил, называется «Спешите в Тифлис». Он писал свои тексты до последнего вдоха.

И еще сегодня в Тбилиси хоронят Володиного и моего друга Отари Капанадзе. Два тбилисских гусара, вся жизнь рядом, ушли почти одновременно, взявшись за руки, туда, к небесам.

Ровно год назад, в ноябре, из-за авиационного безумия, охватившего мир, я на день пролетом оказалась в Тбилиси и чудом попала на Вовкин день рождения, как выяснилось, последний. Я сидела за этим волшебным грузинским столом между Вовкой и Отари. Так мы попрощались.

Когда их близнецам исполнилось 100 лет на двоих, Вова и Ленка сделали сыновьям подарок, доставшийся и друзьям, – они издали сборничек «Ты и я. Я и ты» – слева направо стихи Володи, справа налево и вверх ногами – Лены, их стихи встречаются между собой на 83-й странице с одной стороны и на 89-й с другой.

Володя Головин:

...Я буду рядом в шорохе листвы,
в прибое моря, запахе мороза,
когда хоть в чем-то будет вам угроза,
когда по мне скучать начнете вы.

Лена Головина. Детям этого дома:
Вот этот дом. И он вас ждет,
года скрывая и сутулость,
чтоб вам случайно не взгрустнулось –
там, где бредете под дождем...

**Елена Якович,
режиссер-документалист, сценарист, писатель**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Владимир Головин – поэт строгой стихотворной культуры, не склонный к форсированию поэтического голоса. Лирик, можно уточнить – романтический лирик, он воплощает тему, ведущую мысль стихотворения в ровно льющейся строфе, словно сдерживая эмоции, но точно переключая интонационные регистры, при том, что даже стихотворный размер может быть одинаковым: «так чувствуют в часы глухие», «но здесь и там вскипают речи», «и предрекает шепоток», «и вновь инструкции штабам»... Глухие часы, вскипающие речи, шепоток, штабы... Непостижимым образом работает слово, создавая эти интонационные переходы, побуждая нас осмысливать и переживать впечатления окружающей жизни вместе с поэтом.

Даниил Чкония

ИЗ ЦИКЛА «КРАСКИ ТИФЛИСА»

Давай, горбатой улицей,
умытою дождем,
устав хандрить и хмуриться
мы вечером пройдем...

По лестницам, по лестницам,
туда, где пляшет синь,
где можно с неба свеситься
среди стиранных простынь,

по дворикам, по дворикам,
где кот живет в князьях,
и старцы как о Йориках
судачат о друзьях...

Балконами, балконами,
пропахшими сосной,
коврами как попонами
покрытыми весной,

верандами, верандами,
где сгрызла пыль уют,
мансардами, мансардами,
где «Битлзы» поют.

Глухими подворотнями,
где пляшет старый мяч,
и марадоны потные
выигрывают матч...

С нардистами поджарыми
начнем футбольный спор
у «Запорожца» старого,
занявшего весь двор...

*«А знаешь ты, какой олифой
старинный выкрашен Тифлис?»*

Иосиф Гришашвили

Ну, разве олифой покрыли
крутых переулков дома,
Полонского и Гришашвили
сводившие ночью с ума?

И краской, слегка разведенной,
сумеет ли выкрасить кто
резные пролеты балконов,
что помнят Котэ и Кето?

Я трогаю старые стены –
палитру тепла и добра.
Их краски вовеки нетленны.
Как небо. Как свет. И Кура.

Из окон, которым не спится,
на строек бетон и песок
короткою ночью ложится
надежды неясный мазок.

Потом, когда дел под завязку
и время торопит, свербя,

дома окунаются в краску
упорства и веры в себя.

А вечером, в двориках тесных,
над старым соседским столом,
плывут разноцветные песни
о будущем и о былом.

Цвет памяти и откровенья
несут над Курою плоты.
Лишь черная краска забвенья
чужда переулкам крутым.

Я трогаю старые доски.
И, вдруг, представляю легко,
как рядом дымит папироской
небритый художник Нико.

УЛИЧНЫЕ РАЗНОСЧИКИ

Пройдитесь по улицам сонным
гортанной своей переключкой,
по спящим резным балконам,
где все наносное – вторично.

Придите воспоминаньем
о старом лихом Тифлисе,
пробейтесь в высотные зданья,
парите в слепящей выси,

горластой рекламой кефира,
цветочной земли и картошки,
создайте иллюзию мира,
где зло живет понарошке,

где верность свергает царства,
где, походя, бьют негодяев,
где правит лихое гусарство
и дворня дурит хозяев.

Пройдитесь по Сололакам,
по Вере и Авлабару,
где тощим седым собакам
бросается мясо с жару,

где нищие пьют с князьями
в угаре лихой гулянки...
Где встретишь рассвет с друзьями
на старенькой оттоманке.

Грустить как о былых наградах –
о жизни яркой и не пресной,
смешавшей в рифме полновесной
шашлычный чад с речной прохладой,
о двориках, где нет разладов,
а есть вино, любовь и песни,
где жили дружно, тесно, честно,
назло купцам и казнокрадам...

Сквозь все заботы и печали
Кура неспешно нас снесет
туда, где юный прадед пьет
не из «Самтреста» цинандали.
Где, в теплом ветре южной ночи,
от жениха вся без ума,
прабабке юной Ханума
потомство, то есть нас, пророчит...

Как пьют лихие кавалеры,
какой наив во взглядах дам!
По Ортачальским, по садам,
трещат условностей барьеры.
Умение жить не для парадов –
исконная черта Тбилиси.
Не приукрасишь для комиссий
свет очага и зелень сада.

Он знал и горе, и награды,
он каждому давал свой кров,
от горгасаловых основ
сам о себе слагал баллады.
И сберегали пламень веры
в добро и солнечные дали
дома, чьи дети умирали
в огне, в сераях, на галерах...

Уйдут дворцы и колоннады,
стормит салют в бесстрастной выси,
но будут вечно жить «Даиси»
и Грипашвили строф расклады,
и черной ласточки полет,
и храма белого прохлады...
С надеждой, грустью и бравадой
давай, как встарь, построим плот!

ИЗ ЦИКЛА «НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ
СТАРАНИЙ, МАЭСТРО...»

ФРЕДЕРИК ШОПЕН

И вот, над ветвями-сиротами
в саду, где сказка недосказана,
над всеми мокрыми широтами,
над долготою, ливнем смазанной,
над отрицаньем и сомнением,
над всем, что суетно и тленно,
улыбкой, мукой, откровением
всплывает музыка Шопена.

И вновь надежды не оперены
и исчезает счет сомнениям,
когда светло и неуверенно
сбегают звуки по ступеням.
И на поляны, брызнув росами,
все пляшут зайчиками светлыми.
И ставят, ставят перед вопросами,
в реальной жизни безответными.

И утверждают позабытое,
и допевают недопетое,
скрепляют истины разбитые
и тихо делятся секретами.
Они легки и торжествующи,
они прикрыты полумаскою,
и лепят, лепят из тоскующих
людей уверенных и ласковых.

Нет в мире подлости и скуки,
нет в мире грязных серых стен,

когда раскидывает руки
томящий и хмельной Шопен.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Ах, только б знать наверняка,
что сможешь верить и бороться.
Что дальний луч к тебе пробьется
сквозь грозовые облака.

И только б в переулках старых
не умолкал по вечерам
стук каблучков, что Мастерам
врачуеет раны от ударов.
Ах, только б не гасили свет
в конце извилистой дороги,
где все напасти и тревоги
вдруг сами сводятся на нет.

И только б верить, что у зла
не хватит сил с тобой сражаться,
и каждому сполна воздастся
за сотворенные дела,
что в дальнем доме кто-то ждет,
что рукописи не забыты,
и чертовщинка Маргариты
в любимой женщине живет.

И тьма, пришедшая с востока,
сметет следы чужих огней
под ноги бешеных коней,
храпящих зло и одиноко.
И в ней исчезнут навсегда
луны, завистники, угрозы...

А над Андреевским узвозом
родится новая звезда.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Поэт – всегда угроза для чинуши,
и в травле волчьей силы не равны.
А он хрипел: «Спасите наши души» –
не о себе – от имени страны.

Поэт – всегда упрек для бесталанных.
Ну как же смог он, Бог его прости,
принцессу, что украл в заморских странах,
в свой терем без балкона привести?

Поэт – всегда мишень для предающих,
лишь точку надо выбрать побольней.
Ах, как легко расстреливать поющих.
Летающих. Одержимых. И коней.

Укор, упрек, угрозы и мишени...
А это просто – честность и любовь.
Уходит Гамлет, оставляя сцене
венки с цветами. И стихи. И кровь.

У ДОМА ПАОЛО ЯШВИЛИ

Жизнь кончается сраженьем,
а не просто стычкой.
Бережит воображение
старый дом с табличкой.
В рифмах, в песнях и надеждах,
в спорах до рассвета
оживают у подъезда
дерзкие поэты.

Ах, как сладко им мечталось
в грозовых зарницах!
Ах, как мало им досталось
места на страницах!
Сколько ритмов не сложилось,
сколько грез распалось,
сколько им недолюбились
и недописалось...

В этом доме день вчерашний,
злостью багровея,
предварил простой и страшный
жест Хемингуэя.
Время растворило грани
травли и успеха.
Но в подъезде вечной раной
кровоточит эхо.

Эхо выстрела в неверье,
в шепоток навета –
защищались, как умели,
дерзкие поэты.
Черный ствол к груди приставив,
целились, прищурясь,
не в себя – а в спесь и зависть
и в людскую дурость.

Жизнь кончается сраженьем,
а не просто стычкой.
Бережит воображение
старый дом с табличкой.
Завлекают в Сололаки

стертые пороги.
Разве ж не остры для драки
«Голубые роги»?

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Потом по гудящей планете
кудрявый мальчишка пройдет,
и будет Земля на рассвете
с надеждою ждать самолет.

Потом будет громкая слава
и шорохи траурных лент –
как горько посмертное право
стать жертвой красивых легенд!

Как просто, забыв уговоры,
рвануться на крылья беды,
как страшно гореть над простором
холодной, лазурной воды...

Понять, что вся жизнь вдруг осела
в мгновенья последних минут,
и чувствовать раненым телом
ненужный давно парашют.

Не ведать, что будут позднее
посмертного грима мазки...
Шлейф дыма длиннее, длиннее,
и волны предельно близки...

Поверь, все, что лживо, минует
тобою оставленный Принц –
и липкость чужих поцелуев,

и постность восторженных лиц.

Минует он кровь рукопашной,
обида, угрозы и страх...
Ты слышишь, маркиз бесшабашный,
сторевающий в лазурных волнах?

ФРАНСУА ВИЙОН

Пока воронье племя
не кружит в пляске злой,
еще осталось время
смеяться над петлей,
воспеть пивную кружку –
исчадье кабака,
погибнуть за понюшку
плохого табака.

АЛЕКСАНДР ГРИН

Снова в поисках счастья где-то
затерялись твои герои,
морем вскормленные поэты,
небалованные судьбою.

Снова ищут они удачу,
глушат горе в тавернах элем,
погибают, от счастья плачут,
и... всегда достигают цели.

Где нашел ты такие силы
и такую кристальность краски,
чтоб забыть все, что раньше было
и поверить в реальность сказки?

Чтоб по жизни, облитой ложью,
пронести нам свое открытие –
веру в то, что на свете можно
чудеса искать по наитью?

Оглянись, здесь же все иначе –
моря блеск – как отливы лужи,
о возвышенном здесь не плачут,
здесь нужны чудеса похуже.

Тут не ищут чужой заботы –
и своих испокон хватало...
Белоснежным твоим галиотам
места нет у больших причалов.

Их судьба – уходить в закаты,
к неоткрытым далеким странам...
Не найти, не найти на карте
точку черную Зурбагана.

Затерялись герои где-то,
не мелькнет алый цвет за мысом.
Слишком часто по жизни этой
пробегают, оскалась, крысы...

БОРИС ПАСТЕРНАК

«На меня наставлен сумрак ночи...»
А вдобавок – сумрак долгих дней.
В голове – сплошное многоточье,
Рядом – храп стреноженных коней.

И шуршит газета за газетой,
с вековым неистовством Руси,

на Голгофу вознося поэта –
«эту чашу мимо пронеси...»

Что ж случилось на его веку,
втиснутом в трагедию России?
Отчего достался старику
этот лик опального витии?

«Гул затих, я вышел на подмостки...»
В прошлом – боль, а впереди – темно.
...Из пивной спешащие подростки
Спорят про индийское кино.

МИШЕЛЬ ЛЕГРАН

Немолодой, очкастый, лысый
присел к роялю, поднял руки.
И уместился жизни смысл
в плывущие над залом звуки.

Иная жизнь была снаружи,
текла себе, как и в начале,
не ведая, что тихо кружит
дух чародейства в этом зале.

Он возвращал, что было раньше,
он холодком бродил по коже,
он убеждал, что мир без фальши,
назло неверию, возможен.

Что после боли и измены
надежда все-таки воскресла.
И падал тихий снег со сцены,
и к морю отплывали кресла.

Плыл яркий зонт куда-то к небу,
плыл взгляд Катрин, не постаревшей...
И плыл далекий город Шербур,
из юности к нам подоспевший.

То завтра, что уже настало...
Из прошлого цветной туман...
Волшебник лысый правит балом.
А это – попросту Легран.

«ВСЕ НАПРОДАЖУ»

Памяти Збигнева Цибульского

Еще немного – и колеса
очки смешают с костью лба.
Он вскрикнет, и его отбросит
к ногам девчонки у столба.

И в кадре мечется дубленка,
и болью пахнет за версту,
и посторонняя девчонка
старательно играет ту.

А может эта – та? Кто знает!..
Но краска заменяет кровь.
И зритель недоумевает:
он ждал картину «про любовь».

Как это просто и как страшно:
всерьез играть чужую роль...
И, выжив в схватке рукопашной,
насмешку продавать как боль.

Все на продажу! Лишь бы в зале
никто оберткой не хрустел,
и на галерке не зевали,
и амфитеатр не свистел...

В кино как в жизни. Ждем подарка.
Кто – драку, кто – красивый бюст,
кто – умиляющий и яркий
набор чужих страстей и чувств.

Идем в кино за исцеленьем,
кусая губы, ждем ответ,
воспринимая откровеньем
вовсю закрученный сюжет.

Творится чудо в полумраке
за тонкой белой стеной.
И, скинув свитер, ты во фраке
на час уходишь в мир иной:

гримасничаешь с де Фюнесом,
целуешь руки Демонжо,
стреляешь в наглого повесу
из окон желтого «Пежо»,

потом хохочешь с Фернанделем
в веселом царстве грустных снов.
Потом мелькают среди елей
Никулин, Вицин, Моргунов...

Потом ты устаешь смеяться.
И вспоминаешь вдруг с тоской,
как долго умирает Мацек
на старой свалке городской.

ИЗ ЦИКЛА «СПАСИБО КЛАССИКАМ ЗА ПЕРВУЮ СТРОКУ...»

«Какая-то в державе датской гниль»

В. Шекспир

Какая-то в державе датской гниль?
Ах, полно, волноваться нет причины.
Слегка подорожал автомобиль,
но дамы – в полушубках из овчины.
Битком набиты бары и кафе,
солдатами командуют старшины,
а тех, кто вышел к людям «под шафе»
тотчас же забирают спецмашины.
Улыбки мэров озаряет блиц,
в престижных сферах молодость дерзает...

И так ли важно, что безумный принц
вопросами себя и нас терзает?

«Шутить и век шутить!»

Как вас на это станет?»

А. Грибоедов

Шутить и век шутить!
Как вас на это станет?
Спешат вам осветить
проблемы на экране,

хотят вам предложить
решения в газетах...

А вы – опять шутить,
и с горечью при этом.

Министры ради вас
не спят, бывает, сутки.
Коньяк сменен на квас,
а вы – опять за шутки.

Забыв серьезность тех
забитых поколений,
когда и меньший смех
считался преступлением...

Над бодростью невежд
и скептиков рыданьем,
наивностью надежд
и скудностью питания,

дороговизной цен,
убогостью сатиры,
репертуаром сцен,
отсутствием квартиры,

над должностным лицом
и качеством металла,
над собственным концом
и чьим-то там началом...

Над всем, что может быть
в своем и вражьем стане,
шутить и век шутить.
Как вас на это станет?

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Александр Блок

Здесь и там вскипают речи...

Федор Сологуб

Ах! Боже мой! Что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна!

Александр Грибоедов

Любовь к отеческим гробам.

Александр Пушкин

Я глупостей не чтец...

Александр Грибоедов

Аптека. Рядом с ней фонарь.

И ночь. И вечное продление

триады невского виденья.

И томик Блока – как словарь.

Но здесь и там вскипают речи,

которым места нет в стихах.

Их произносят впопыхах,

умы и души искалечив.

Вот здесь расстреляны царевны,

там – книги на кострах горят...

С экранов всюду говорят

княгини Марьи Алексеевны.

И вновь инструкции штабам
патриотизмом заражают.
И новые гробы рождает
любовь к отеческим гробам.

Но изреченных слов венец –
фонарь, аптека, ночь над крышей...
Всех лозунгов они превыше.
Вовек. Я глупостей не чтец.

ГАМЛЕТ

Гамлет смотрит «Мышеловку».
Смешаны судьба и роль.
Дворне страшно и неловко,
в ложе корчится король,
королева вся в ознобе
и визгливых флейт минор
сотрясает, словно в злобе,
старый замок Эльсинор.

Ах, какая это пьеса!
В ней суфлером – жизнь сама.
Вот приподнята завеса
тайны горя от ума.
Вот, набрав помалу скорость,
в пышных залах и в людских
вдруг являют страсть и корысть
все причины бед мирских.
И сквозь годы к нам направлен
масок нарочитый плач...

Смотрит «Мышеловку» Гамлет –
суд присяжных и палач.

Снова опрометчивый Иванушка
к луже наклоняется напиться.
Снова масло закупает Аннушка,
снова Гамлет выслан за границу...

Так уж повелось на белом свете:
все сюжеты, страсти и интриги
нам продиктовали, словно детям,
в юности прочитанные книги.

Ну а мы, все повторяя сдуру,
думаем ни в чем не повториться.
И глядит на нас литература
тихим взглядом Маленького Принца.

ИЗ ЦИКЛА «А ДЛЯ ТЕБЯ, САЛАГА, ЕСТЬ КОТЕЛОК И ФЛЯГА...»

ПИСЬМА ИЗ АРМИИ

Понакручено. Понаверчено.
Все пути к тебе нележки.
Да не ветрами, да не смерчами –
а движением чьей-то руки.

Я не жалуюсь, знал заранее,
что придется пройти, как всем,
через эти подъемы ранние
по траве в замерзшей росе.

Степь давно позабыла о лете.
Злые силы зимою правы.
Как седые замерзшие дети,
встали призраки белой травы.

Отогреются стебли блеклые,
отпружинят тяжесть ноги
и посмотрят мертвыми веками
на солдатские сапоги...

Намотаю портянки теплые -
снова северный ветер подул.
Есть ли снег за твоими окнами?
Белой ночью иду в караул.

Привыкаю, ругаясь матом,
чистить маслом свой пистолет.
Из меня не выходит солдата,
как не вышел когда-то поэт.

Неужели кому-то легче,
от того, что ты там, вдали,
от того, что в осенний вечер
чье-то счастье меня так злит?

Я хандрю. Я настроен минорно.
Но сквозь злобу твержу опять:
«И над нашим порогом горны
будут встречные марши играть!»

Ты знаешь, как натужно воют танки
в завесе пыльной, выцветшей пурги?
Как отдается в скомканной портянке
вся тяжесть напугавшейся ноги?

Ты знаешь пот солдатских гимнастеров?
Цену последних капелек из фляг?
Ворчливое баюканье моторов?
Шоферские проклятья передряг?

Прости. К чему вся эта ахиня!
Зачем тебе все это было знать?
Тебе досталась доля потруднее:
Встречать. В дорогу провожать. И ждать.

Обреченность страшнее обиды,
хуже страха и боли злей.
Все теряю, теряю из виду
огонек в зловещей золе...

И с чего это злые ветры
вдруг прошлись по моей судьбе?
Без меня продают билеты
на автобус, идущий к тебе.

Это страшно – в осенний вечер
видеть в окнах чужой уют.
И, не веря в грядущую встречу,
только верить, что где-то ждут...

Стены смотрят глазами портретов,
даже в них изменились черты.
Открываю твои конверты –
не меняешься только ты...

А здесь опять – не осень, не зима:
туманы, росы. Солнце смял морозец.
Красивая суровость – как сама
поэзия, проросшая на прозе.

Не боль, и не тоска, и не хандра,
а неуют в осенней поволоке...
Наверное, пришла для нас пора
не расставаться на большие сроки.

И ты б могла шуршать вон тем листом,
и ты б могла дремать под шум мотора,
и мы могли б... Но все это потом.
Мы сможем. Оба. И довольно скоро.

Ты помнишь книгу? – Горсточка людей
пустилась в путь, назло волне и ветру,
легка в наивной дерзости своей
на сотнях столь нелегких километров.

...Бывало все. Но плот не шел ко дну,
на мокрых бревнах танцевали блики.
Вот так и я преодолел волну,
плывя к тебе под парусом Кон-Тики.

ПЕСЕНКА ИЗ СКАЗКИ

И будет пыльная дорога,
и синева высоких гор,
и ждет у дальнего порога
неумолимый приговор.

И снова глухо лязгнут шпаги,
и станет красною трава,
и вновь закружится от браги,
цветов и песен голова...

А солнце прячется за лесом.
А ночь проходит за стеной.
И надо за любовь принцессы
платить высокою ценой.

И надо верить в стук копытный,
не доверяя чудесам,
и каждый день, что так обидно,
расписан по чужим часам.

Луч переломится в ретортах.
Смахнет усталая рука
пыль придорожную с ботфорта,
вино с усов и кровь с клинка.

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА ГОДА»

Я осень чувствую нутром.
Так чувствуют в часы глухие
собаки таинство стихии,
пока еще не грянул гром.
И ночь еще не холодна,
и долог день, с утра прогретый,
но это все – уже не лето,
а только видимость одна.

Струится новый биоток
в закате, запахе и цвете,
твердят календари о лете,
но осень дышит между строк.
Ее дыхание легло
на выцветшие краски лета,
как легкий шепоток навета
на все, что пело и цвело.

И предрекает шепоток
вконец изнеженной природе,
что скоро в серой непогоде
ее веселью выйдет срок.
Настанет время уходить
мечтам весны, свершеньям летним
в воспоминания и сплетни
и ветром память беречь.

...Пока же небеса ясны.
Они промыты в тихой грусти,
которая меня отпустит

лишь с наступлением весны.
Преображается в синдром
ее подспудное влиянье.
А год пошел на умирание
– я это чувствую нутром.

А снег все падает и падает,
знать, прохудились небеса.
Кого-то злит, кого-то радует
его холодная краса.
Растут ошибки скороспелые
и этою зимой, и той,
а с неба – многоточья белые,
и ни тире, ни запятой.
Холодной мутью припорошено
в неверном свете фонарей
то неокрепшее, хорошее,
начало мокрых январей.
Оно покрылось скользкой наледью,
вдавилось комом в тротуар,
морозцем поселившись в памяти,
дыханье превращает в пар.
Зимою южною, промозглою
не валит снег, а моросит.
И все сечет. Как будто розгами.
За все ошибки прошлых зим.

Когда зима еще стремится
весну куснуть в последний раз,
к нам прилетает эта птица.
Вернее, в сад напротив нас.

Мы никогда ее не видим,
она предпочитает тьму.
И там, на дальней ветке сидя,
поет, иль плачет – не пойму.
Нет орнитологов знакомых,
как звать ее, не знаем мы.
Но каждый вечер возле дома
весна сигналист нам из тьмы –
мол, хватит холодов и хмари,
мол, мой приход неотвратим.
Доверив скрытной Божьей твари
стать провозвестником своим.
И, отработав должность эту,
весны таинственный пиит
замолкнет в середине лета.
Вернее, снова улетит.
Наверное, в других широтах
весну заждались, загрустив.
И надо начинать работу –
вечерний выводить мотив...
Не знаю, где она гнездится.
Но через год, в который раз,
к нам вновь вернется эта птица.
Вернее, в сад напротив нас.

Проталины сменились лужами,
мороз – холодным ветрами,
снежинкой вытканное кружево –
холстом дождя в оконной раме.

Зима сдаваться не торопится
и не спешит весна с атакою,

но где-то там, где крыши сходятся,
коты по-мартовски заплакали.

А им плевать на все условности,
коту под хвост пошли приличия,
в любовно-боевой готовности
они – весенний знак отличия.

Вот так меняем тучи рваные
на небо бледное, но чистое,
воронье карканье гортанное
на этот хор котов неистовых.

И в сердце, жить надеждой смеющем,
вдруг ощущаешь каждой клеткою
зеленый лист, победно режущий
над скинувшей серость веткою.

ИЗ ЦИКЛА «ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ»

Когда остановилось время,
не зная, что ему решить,
и прозвучал над нами всеми
приказ забыть и не спешить,
когда растаяли надежды
и стали умирать отцы,
когда из царствия Невежды
пришли всевластные гонцы,
казалось: кроме безнадёги
нет у грядущего лица,
и толпы нищих вдоль дороги –
знаменьё близкого конца.

Ан, нет – мы живы и поныне.
А что-то даже на мази.
Да только сердце снова стынет.
Иль снова время тормозит?

ОТКЛЮЧЕНИЕ СВЕТА В ТБИЛИСИ

Перевелись сегодня Прометеи.
Когда весь город падает во мрак,
и газовая печка еле греет,
и торжествует принцип «сам – дурак»,
я думаю: «А раздобыть бы факел,
зажечь его у власти во дворце
и пробежать по улицам во мраке,
и чтоб – багровый отсвет на лице.
И зажигать камины и печурки
и хворост под столбами фонарей,
и перестать играть с природой в жмурки,
и стать при свете лучше и добрей...»
Но я сижу в потемках и зверею,
потом с ворчаньем падаю в кровать.
Перевелись сегодня Прометеи.
А, впрочем, Зевсов тоже не видать.

А ведь у нас уже все это было.
Такой же снег проснувшейся зимы
утапывал усердно и уныло
по осени рыжевшие холмы.

На деревянном стареньком балконе
белела так же вязь резных перил.
И колокольный перезвон Сиони
над городом встревожено парил.

А город точно так же, в ожиданье
какой-то затаившейся беды,
морозу отдавал на порутанье
свои отзеленевшие сады.

И вот тогда-то мы видали это:
мороз, сумевший победить везде,
катки из улиц сотворял к рассвету
и все по ним скользили вниз, к беде.

6 ЯНВАРЯ 1992 ГОДА

Во дворе снова сушат белье.
Во дворе зажигают огни.
Значит, вновь оживает жилье.
Значит, вновь проиграли они.

Значит, старым тбилисским дворам
в этой страшной, короткой войне
удалось доказать снайперам,
что душа не сгорает в огне.

Город спас свою душу. Сумел.
Да вот сердце не смог уберечь.
Миллионом отравленных стрел
бродят в венах пожар и картечь.

Нам еще предстоит отыскать
и лекарства, и тех докторов,
что умеют не кровь выпускать,
а лечить эту самую кровь.

Возвратятся соседи домой,
пустят стрелки на ставших часах,
не заметив, что этой зимой
снег навеки осел в волосах.

Возвратится домой ребятя,
что в укрытиях, издалека,
научилась по темпу огня
отличать пулемет от АК...

Во дворе снова сушат белье.
Во дворе загорелись огни.
Значит, вновь оживает жилье.
И мы снова сильнее, чем они.

НЕЗАМЕТНЫЕ ВОЙНЫ 90-Х

Ох, эти войны, незаметные
на фоне буйных дней России...
Все мамы, ставшие бездетными,
свое давно отголосили.

Все парни, без вести пропавшие,
домой, конечно, не вернутся.
Все мародеры, понакрававшие,
военной доблестью клянутся.

Все беженцы в мечтах о мщении
живут делами беспокойными,
и все пути их возвращения
грозят очередными войнами.

Глядит планета замороженно
на страсти государств внушительных:
теракт... граница разгорожена...
валютный курс возрос значительно...
национальное сознание...
политиков дела суетные...
А на обочинах внимания
грохочут войны незаметные.

И мне все снится, как сутулятся –
в снегу, в огне, зияя ранами –
безлюдного Тбилиси улицы
под иссеченными платанами.

И как Цхинвали перестрелкою
закаты ранние встречает,
как волны Черноморья мелкого
раздутый женский труп качают.

Как закипает галька минами,
сухумский пляж уничтожая.
И снег в крови – под мандаринами,
в садах неснятых урожаев...

Торговцев выгнали из Храма.
Но в Храме поселили Хама.
И Хам, расширив штат менял,
по-своему стал править бал.

Кумира сотворив поспешно,
хуже предали все, что грешно,
побив еретиков камнем,
искали Правду днем с огнем.

Девичам, вызревшим до срока,
дарили головы пророков
и, свято чтя отцов своих,
жгли тех, кто не похож на них.

И возжелали, и украли,
и пять хлебов себе забрали,
и съели с рыбой под вино –
на всех не хватит все равно!

Торговцев выгнали из Храма...
Победа это или драма?
А может, суть не в торгаше,
а в том, что Храм несет душе?

ДОЖДЛИВАЯ АССОЦИАЦИЯ

Смеется с лохмотьев афиши
еще один завтрашний вождь.
Колотит по сморщенным крышам
унылый декабрьский дождь.
Весь город, проникшийся дрожью
покрытых зонтами голов,
так вымок, что сморщился тоже
до самых своих куполов.

Разгульные ветры набухли
потоками серой воды,
в разводах тумана пожухли
хранящие зелень сады.
И бродят в сознание, размытом
ветрами, дождем и тоской,
старуха с разбитым корытом
и невод с травой морской.

Мои друзья разъехались по миру.
Туда, где, может быть, и не нужны...
Не для того, чтобы беситься с жиру,
а чтобы жить, как люди жить должны.

Мои друзья отныне за границей.
И лишь на старых черно-белых снимках
у них, у молодых, такие лица...
И мы стоим по-прежнему, в обнимку.

Мои друзья разъехались по свету,
у них – свои заботы и печали.
Звонят, скучают, пишут, ждут ответа...
Но вот вернуться – захотят едва ли.

Куда нам убежать от страха и потерь?
Ну, разве что в заоблачные выси.
А в городе Тбилиси не так живут теперь,
как раньше жили в городе Тбилиси...

А может быть, и мы на все рукой махнем –
на мафию, на фанатичных женщин...
Вот так и вышло вдруг, что с каждым новым днем
тбилисцев в этом городе все меньше.

Куда же нам бежать от стражей, от менял,
от этой жизни в постоянном риске?
А город наш Тбилиси на том ведь и стоял,
что жили в нем тбилисцы по-тбилиски...

ИЗ ЦИКЛА «В ПРОХЛАДЕ ИЕРУСАЛИМА»

...Муэдзин поет молитву на вершине минарета,
иудей заводит с Богом свой напевный разговор,
церкви, кирхи и костелы, славя Сына Назарета,
перезвоном и псалмами дополняют общий хор.

Я смотрю на этот город. В нем, не ведая барьеров,
правит бал религиозность, гимн единый сотворя.
А по древним переулкам молчаливо бродит вера
в то, что все на этом свете затевается не зря.

Не прошел еще по Галилее
тот, кто путь Голгофой завершил,
а извечный спор, чей Бог сильнее,
сотни царств и храмов сокрушил.

Шли века, но спор не прекращался.
Храмы пожирал пожариц дым.
И Создатель грустно улыбался
неразумным детищам своим.

ИЕРУСАЛИМ. ОСЕНЬ

I
Прохлада Иерусалима
в стране, кипящей на пару,
благословенна и сравнима
с холодным «туборгом» в жару.

Ты пьешь ее неторопливо,
с ехидством думая о том,
как на просторах Тель-Авива
горячий воздух ловят ртом.

Прохлада Иерусалима
в стране, не верящей слезам,
ожогам душ необходима,
как исцеляющий бальзам.

Скользнув по нервам воспаленным,
она, врачуя, остудит
шипенье жизни раскаленной,
накал страстей и жар обид.

II

Ну вот, октябрьская гроза
напомнила минувшей ночью:
что хочешь ты или не хочешь,
а уж «зима катит в глаза».

Еще, конечно, далеко
до ливня, что в ветрах неистов,
еще побалуует туристов
морей парное молоко.

Еще нас удивит с тобой
куст, в ноябре цветущий яро,
но уж не давит прежним жаром
свод неба бледно-голубой.

Вчера казалось: вот, он брызнет
слепящей синевой на нас.
Сегодня ж небо – цвета глаз
у стариков на склоне жизни.

Еще походим в майках мы,
и тучи пронесутся мимо.
Но наступление зимы
на нас с тобой неотвратимо.

ПЕСЕНКА ПРО РАЗНЫЕ ГОРОДА

*Ты что, мой друг, свистишь?
Мешает жить Париж?*

Ю. Кукин

Мой сосед в Париж поехал.
Посмотрел на Нотр-Дам.
Рассказал мне об успехах
у мамзелей и мадам.

Про Версаль со мной делился,
Лувр описать хотел...
Я послушал. Восхитился.
И в Тбилиси улетел.

Сослуживец съездил в Лондон.
Видел королеву-мать.
Сообщил мне, что свободно
мог в Гайд-парке выступать.

Рассказал и про собрание
восковых известных тел.
Я все выслушал с вниманьем.
И в Тбилиси улетел.

Сын добрался до Мадрида,
а потом – в музей Дали.
Видел Прадо и корриду
и в Марбелье корабли.

С сеньоритой подружился,
в сотне баров посидел...
Я, конечно, восхитился.
И в Тбилиси улетел.

Мне твердили, что неплохо
свет горит на Пляс Пигаль,
есть вода в квартале Сохо,
в Прадо есть теплоцентраль.

Может лишь идиот стремиться
в край, где нет всех этих дел.
Я не мог не согласиться.
И в Тбилиси улетел.

Знаю, есть на свете этом
много дивных городов
без проблем с водой и светом,
без террора холодов.

С детства я прочел так много
книг об этих городах!
Но пока лежит дорога
в город на иных ветрах.

Я, конечно же, поеду
(но попозже, не сейчас)
и на Темзу, и в Толедо,
и взойду на Монпарнас.

Если экономить строго,
Все поездки по плечу.
Накоплю деньжат немного
и... в Тбилиси улечу.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

На Йом-Кипур мои друзья постятся.
Не потому, что столь религиозны,
а просто верят: в этот день простятся
ошибки, злоба и амбициозность.

Мы целый год грешим. Непроизвольно,
иль по своей, озлобившейся, воле.
И всякий раз, кому-то сделав больно,
недооцениваем силу этой боли.

А рядом кто-то, может, ненароком,
а, может, уступив порыву зла,

такое завернет, что выйдут боком
тебе его и мысли, и дела.

Спеша по жизни, на одном дыханьи,
осиливая долгую дорогу,
раз в год найди хоть день для покаянья.
Перед собой. И лишь потом – пред Богом.

Услышишь ли себя? Вполне возможно.
Но снова ждут ошибки, злоба, драка...
А покаянье – это так же сложно,
как простота в стихе у Пастернака.

Ну почему все так не ладилось
в холодном, мокром феврале,
когда сомнения повадились
копаться и в добре, и в зле?
И сам себе казался лодкою,
в штормах посаженной на мель,
и беды твердою походкою
и в март шагали, и в апрель...
Да и без них три этих месяца
не стали б светлою порой.
Когда погода хмуρο бесится,
я – отрицательный герой.
Вот и тогда, весной унылою,
хандра гуляла, как могла,
уродовались злою силою
незавершенные дела,
грустилось даже и без повода,
из рук все падало с утра.
И целый день над Старым городом
протяжно плакали ветра.

ИНТИФАДА

У меня украли город.
Тот, что я считал своим.
Унесли тихонько воры
Старый Иерусалим.
Втихомолку поделили
то, что дорого для всех,
для себя определили,
где же святость, в чем же грех.

Воры окружили зданья
новых улиц на холмах,
радужные ожидания
подменив на липкий страх.
Растащили незаметно
беззаботность у людей,
заменив тоской бесцветной
гул вечерних площадей.

Растерял, бродя по свету,
я родные города.
А теперь теряю этот.
Неужели навсегда?

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО В ИЕРУСАЛИМЕ

Я говорю тебе: «Спокойной ночи».
Мобильники играют нам «отбой».
Мы стали ближе к старости с тобой
еще на день. Который был не очень...
Тебе подарит свой тревожный сон
великий город с беспокойным людом.
В нем так хотят какого-нибудь чуда!
Но чудеса оставил в прошлом он.

А мне смотреть на улицы нагие,
на этот спящий Город городов,
в котором наш солидный груз годов
утяжелен довеском ностальгии.
На завтра же мобильник оживет
и будет голосить без перерыва:
узнав о том, что снова были взрывы,
со всей страны начнет звонить народ.

И в этой ежедневной крутоверти,
в которой нам приходится стареть,
мы можем постареть и не успеть,
в автобусе подъехав прямо к смерти.
Привычка, фатализм иль беспечность
нам помогают жить с такой судьбой?
Мы к старости продвинулись с тобой
еще на год. А он – размером с вечность.

ПЕРЕПРАВА

Я не вправе быть в обиде
на прошедшие полвека.
Я достаточно увидел,
хоть чего-то не скумекал,
я достаточно услышал,
хоть чего-то недопонял. ...
Уходил из тихой ниши,
чтобы жить в набатном звоне.

Не стремился быть красивым.
Пешек не считал ферзями,
предпочтя друзей и пиво,
разделенное с друзьями.
Не учился на ошибках,
предсказаниям не верил

и не мог принять с улыбкой
неизбежные потери.

Я любил и был любимым,
не переносил халтуры
и считал необходимым
знать, как воют пули-дуры.
Был злопамятен и резок.
Рвал сомнения, как путы.
Ненавидел чванство крезов
и коварство лилипутов.

Для собак был другом личным,
среди снобов слыл скандальным
и в эмоциях циничным,
и в стихах сентиментальным.
Жил все время на пределе
и за дымом сигареты
не заметил, как назрели
увядания приметы.

Оказалось, что полвека –
с их щетиною седой –
переправа через реку
с омертвляющей водою.
И стою на переправе.
Впереди ни зги не видно.
Обижаться я не вправе,
только, все-таки, обидно.

СНЕГ В ИЕРУСАЛИМЕ

В Иерусалиме выпал снег.
Этой дикой выходке природы
радовались разные народы,
снежных баб не знавшие вовек.

Словно превратившись в этих баб,
в стайках припозднившихся прохожих
оказались, как близнята, схожи
и хасид, и инок, и араб.

Меж завалов опустевших трасс –
робкий след испуганной машины,
и трескучей маленькой лавиной
снег и ветви падали на нас.

По сугробам проложив пути,
мы решили, с долей эпатажа,
в странности окрестного пейзажа
лепту свою вескую внести.

И под пальмой белою возник,
к радости мальчишек и девчонок,
ледяной веселый поросенок,
а не просто рыхлый снеговик.

Рядом с ним – восторг и суета,
дети со свиньей играть посмели.
На визжащий двор спадала с елей
кружевная, зябкая фата.

Он стоял, ликующий Наф-Наф,
сигаретой исказив ухмылку
и пивную темную бутылку
толстыми копытцами зажав.

Но пустыни теплые ветра
расчищали улицы и трассы,

превращая тонны белой массы
в лужицы, подсохшие с утра.

В синагоге Божий человек
благодарно прочитал молитву,
город отдыхал, как после битвы.
В Иерусалиме стоял снег.

Снова солнце жарит в январе,
как ему исконно полагалось,
И бутылка темная осталась
в лужице под пальмой во дворе.

ЗАКАТНЫЙ АВТОБУС

Сюжет не столь замысловат:
автобус убежал в закат,
и странный свет преображал
вид со второго этажа.
Ах, двухэтажный экипаж –
необходимый антураж
книг об английской стороне
от Диккенса до наших дней!

Исполнив детскую мечту,
поднял на птичью высоту...
Но не британские мосты
мы видим с этой высоты –
над морем, небо вскроянив,
закат раскрасил Тель-Авив.
А от шоссе наискосок
лежит арабский городок.

Внизу под нами вдаль плывет
строй «Мицубиши» и «Тойот»,

закат на краске корпусов –
как отблеск Алых парусов...
Он вспыхнул, будто впопыхах,
осел в лиловых облаках
и прорубился, как в окно,
создав Куинджи полотно.

Еще немного – и одной
тебе, на высоте иной,
отсюда улетать в ночи.
А эти странные лучи
и двухэтажный «Мерседес»
останутся среди чудес,
которые, с теченьем дней,
мы вспоминаем все сильнее:

наивный школьный вальс-бостон,
тропу в садах на Балатон,
сухумский пляж в вечерний час,
перед войной, спалившей нас...
Еще по свету нам бродить,
но память будет бить и бить –
как искра, как волны накат...

Автобус убегал в закат.

Мне очень трудно без тебя.
В стране легенд, под дивным небом,
с дешевыми вином и хлебом –
мне очень трудно без тебя.

Живу я, время торопя,
дни сосчитав, назначив сроки.

И в этой тягостной мороке
мне очень трудно без тебя.

Зубами скрипнув, все стерпя,
мы живы ожиданием встречи.
В холодный день и в теплый вечер
мне очень трудно без тебя.

Так сколько уже лет подряд
мы, словно в юности? дерзаем?
Мне трудно, потому что знаю –
тебе труднее во сто крат.

*«Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Эривань...»*

Старая тифлисская детская считалочка

Зимой и так осенне-мокро,
а тут еще грозу надумал Бог,
и гром январский лупит в окна
церквей, мечетей, синагог.

И молнии январской сполох,
лучом далекого огня –
на стенах, что зимой как Молох
упорно давят на меня.

Мне говорят: «Хандрить постыдно!
Развейся, отвори окно!»
Я отворил – тебя не видно.
Тогда, зачем же мне оно?

Привык я вольно иль невольно
тобою память беречь,

стремиться к трубке телефонной
и нужных слов не находить.

Я захандрил бы капитально,
но скоро кончится гроза.
И светят над Ирушалаймом
твои далекие глаза.

МАРК ШАГАЛ

Над провинциальной тишью
и имперской суетой,
там, где дворики и крыши
придавило высотой,
в небе, позабывшем грозы,
как аэростаты – в ряд –
люди, петухи и козы
местечковые летят.

Все они вполне здоровы,
то – не души, а тела.
И они вернутся скоро
в повседневные дела,
в те, где столько накопилось –
от сомнений и до драк...
А пока им воспарилось
над землею. Просто так.

И старуха, и невеста,
и младенец, и раввин –
каждому хватило места
среди подоблачных равнин.
И, познав полет однажды,

в жизни, пройденной в низах,
как спокойно смотрит каждый,
небо сохранив в глазах...

Ниспадает чудо детства
в эти самые низы.
Полон легкого кокетства
взгляд летающей козы.
И, как отблеск Холокоста,
цвет зари тревожно ал...
А все вместе это просто
называется – Шагал.

ЯД-ВА-ШЕМ

(Музей Катастрофы европейского еврейства)

Когда заходишь в Яд-ва-Шем,
сжимаясь от предчувствий боли,
невольно думаешь, зачем
вновь приобщаться к страшной доле?

Когда идешь по Яд-ва-Шем,
осознаешь подкоркой мозга,
что на планете надо всем
прийти сюда, пока не поздно.

А уходя из Яд-ва-Шем –
спускаясь с массовой Голгофы,
вдруг ощущаешь страх в душе
перед всемирной Катастрофой.

КОЛЬЦО СОЛОМОНА

Старинных мудрецов мы полюбили,
цитатами спешим пощеголять.
Как будто долго рядом с ними жили
и даже помогали размышлять.

Особенно наслышаны в народе
о том, как, с тихой грустью на лице,
промолвил Соломон, что все проходит
и мысль эту выбил на кольце.

В истории пророков маловато.
Потомков их спасает лишь одно –
у большинства расхожих постулатов,
по счастью, есть всегда двойное дно.

Мы верим мудрецам как ортодоксы.
И видеть не хотим двойного дна.
Но гении любили парадоксы –
на то им гениальность и дана.

Поэтому создатель «Песни песней»
мудрей, чем представляли мы его.
Ведь изнутри он начертал на перстне
три слова: «Не проходит ничего».

ПРОЩАНИЕ И ИТОГ

Ну что ж, страна, давай прощаться.
И на прощанье помолчим.
Ни обвинять, ни возмущаться
у нас с тобою нет причин.

Друг друга встретив благосклонно,
мы жили много лет с тобой.

Пусть каждый – по своим канонам,
но все-таки – одной судьбой.

Тебе – спасибо за учебу,
за хлеб спасибо и за кров.
Пусть взрывы, фанатизм и злоба
тебе не портят больше кровь.

Пусть наша встреча будет скорой,
и пусть, забывший о войне,
мне улыбнется Вечный Город.
Он будет вечно сниться мне.

Ну вот, и мы разъехались по миру,
расширили понятие: «Мы – тут!»,
объединив в единую квартиру
Иерусалаим, Тбилиси, Голливуд.

Нам снова верить в неизбежность встречи,
глотать слезу на взлетной полосе
и убеждать себя: «Еще не вечер!
А шар земной... Он маленький совсем!»

ИЗ ЦИКЛА «МОИМ ДРУЗЬЯМ»

Ностальгия, ностальгия,
первозданная печаль.
Нервы тонкие, нагие
тянут в радужную даль.

Тянут в запахи и звуки,
отслужившие давно.

И протягиваешь руки
в то, забытое окно...

Хрипловатая кассета,
пятна солнца на стене –
это все осталось где-то,
в теплой, ласковой весне.

И, уснувшими дворами,
тихо бродит по ночам
все, что было рядом с нами
у начала всех начал.

Ностальгия, ностальгия –
памяти живой музей.
Помнишь, как мы шли? Прямые.
Не стыдясь своих друзей...

Не потому, что так хотелось,
а потому, что так пришлось,
на кон поставим фишку «смелость»
и отодвинем фишку «злость».

Потом поставим фишку «вера»
и перекроем фишку «грех»,
а перед фишкой «карьера»
найдется место фишке «смех».

Мы фишкой «любовь» раздвинем
все фишки распрей и разлук,
а фишке, связанной с уныньем,
заменой будет фишка «друг»...

И, за таким полезным делом,
мы всю доску пройдем насквозь.

Не потому, что так хотелось,
а потому, что так пришлось.

Нет, наше время не ушло.
Оно, скорей, остановилось –
там, где нам пелось и любилось,
нелепым трудностям назло.

Оно – в конце шестидесятых,
где все так просто и легко,
сорокалетье – далеко,
слова и души – не измяты.
Там «Айдас» старенький живет,
отцы поют простые песни...
И не понять тебе, хоть тресни,
что все окончится вот-вот.

Что предстоит стареть мечтам,
которым не дано сбываться,
что будет все вокруг меняться,
и только мы пребудем там.

В шестидесятых. Что сродни
свирепой нежности волчицы:
щенкам позволив порезвиться
и выпшвырнув – в иные дни.

ПЕСЕНКА СЕМИДЕСЯТНИКОВ

Ну что ж, по коням, господа!
По каравеллам и каретам!
Туда, где в новые рассветы
плывут иные города.

Мы оказались не у дел,
нам не хватает зла и веса.
Увы, нет нужного замеса
у наших душ, у наших тел.
Мы ставки делали не те,
крапленных карт не замечали,
людей негромких привечали
по их наивной простоте.
Мы не старели до поры,
решив, что возраст управляем,
не понимая, что играем
по правилам иной игры,
что у родившихся проблем –
иные ценности и стражи...
Но скорострельность у «лепажей»
слабее, чем у АКМ.
Что ж, если мы не ко двору,
заполним рюкзаки и фляги.
Там, на дорогах – передряги,
но оставаться – не к добру.
Не зря же новая звезда
у горизонта нам маячит.
Жизнь продолжается. А значит,
вперед, по коням, господа!

Там, где стекает с небес красота
в омут интриг и позерства,
держат меня на плаву три кита –
Память, Надежда, Упорство.

Если размыты следы доброты
и торжествует невежда,

спины плотнее сдвигают киты
Память, Упорство, Надежда.

Тянет ко дну липкий груз суеты
злостью, уныньем, притворством,
но на поверхность толкают киты
Память, Надежда, Упорство.

Та ли судьба у меня иль не та,
жизнь – это единоборство.
Бейте хвостами, три славных кита
Память, Надежда, Упорство.

Такими непростыми перепутьями
мы прошагали от беды к беде,
что прощены быть можем даже судьями
на самом главном, истинном суде.

У нас на спинах крылья не колышутся,
грешили мы и ошибались мы.
Но многое, наверное, нам спишется
за выход из уныния и тьмы.

На этот суд придем без адвокатов мы,
не под конвоем, не скрывая лиц.
Пушай, и становились мы солдатами,
а все-таки, не выросли в убийц.

Мы попросту придем с делами нашими,
чтоб положить их на весы – на те,
что, тихо шевельнув своими чашами,
отправят к завершающей черте.

И вот тогда, по виду ли, по сути ли,
зачислят нас в особенный разряд –

тех, кто сумел, шагая перепутьями,
не сбавить шаг и не свернуть назад.

Я встаю без пятнадцати пять,
поспеваю на первый автобус.
И упорно ищу новый глобус,
чтоб на нем все сначала начать.

У меня еще есть адреса
(да простит мне Парнас эту фразу),
по которым, без просьб и заказов,
друг готов сотворить чудеса.

Только он далеко-далеко –
мир, в котором всем дарят по чуду.
Я друзей беспокоить не буду –
им живется и так нелегко.

А наш мир, от безумных идей,
словно утлый кораблик качает.
Ох, небыстро Создатель ваяет
новый глобус для наших людей.

Тамазу и Славе

Я вернусь. Вы пока поскучайте
на бурлящих своих берегах,
где все те же надежда и страх,
ворон в парке и пес на асфальте.

Заскучать доведется и мне.
Там, где взрывы различных калибров
распутали на ветках колибри
и гекконов на теплой стене.

Как-то странно мы стали скучать...
Надо что-то придумывать, братцы.
Я вернусь, чтоб во всем разобраться.
И потом все сначала начать.

Отару и Алику

За окнами – сирена, предвестница субботы.
Вся наша жизнь – сплошное непротивление злу.
А в городе далеком суровые заботы
друзья залили пивом в хинкальной на углу.

За окнами поймали араба-камикадзе,
пижонит в Тель-Авиве российский гастролер.
А в городе далеком от улицы Чонкадзе
на склон горы Давида ползет фуникулер.

За окнами – автобус из Города Давида.
Какой-то очень жесткий слагается сонет.
А в городе далеком далекие обиды
на волнах ностальгии почти сошли на нет.

Ударьте в эти окна, перченый дух хинкальной,
и музыка Лагидзе, и дружеская речь!
А в городе далеком смените стол прощальный
на трапезу попроще, но – в честь грядущих встреч!

Набирают обороты годы
в колеях удачи и беды.
Легкою поземкою невзгоды
заметут нечеткие следы.
Время постепенно сдаст в музей
запахи, напевы, голоса.
Сохрани мне, Господи, друзей.
А врагов себе создам я сам.

Кто-то там из прошлого помашет
не успевшей сморщиться рукой.
Развернутся вдруг дороги наши,
обещая благодать и покой.

И, как ловкий древний грек Тезей,
к выходу найду на ощупь нить.
Не вини, Господь, моих друзей.
А врагов я знаю, в чем винить.

Правда, жаль, что всех пораскидало,
что подруги начали сидеть,
что уже не сможем, как бывало,
до рассвета с рюмкой досидеть.

Жаль, уже по-старому нельзя
покорять сердца прекрасных дам.
Ты воздай, Господь, моим друзьям.
А врагам я как-нибудь воздам.

Надо бы успеть остановиться,
только передышки не манят.
Слишком жестки вокруг нас границы,
слишком много за собой хранят.

Словно гладиатор в Колизей,
собираю старую прашу.
Ты прости, Господь, моих друзей.
А врагов своих я сам прощу.

Последние единороги
ушли за дальние холмы.
И, сколько б не старались мы,
к ним не найти никак дороги.

Качаясь в седлах, вдаль плывут
турниров пылкие натуры,
кумиры-дамы, трубадуры,
герой-король и мудрый шут...

И я когда-то жил меж них,
был с ними в радости и в плаче.
Но время шло... И ныне скачут
единороги для других.

ТБИЛИССКОЕ ДЕЖАВЮ

Я выйду из подъезда. Как всегда,
куплю в киоске пачку сигарет.
И поспешу в метро, где поезда
ритмично полосуют тень и свет.

Опаздывая, перейду на бег,
найду в кармане проездной билет.
И тут навстречу выйдет человек
И улыбнется: «Ты ли? Сколько лет!..».

И мы застынем с ним на мостовой,
и давние припомним времена,
и будем называть наперебой
живущих и ушедших имена.

Конечно, будем говорить на «ты»,
твердить, что мир ушедший был неплох.
Его полужнакомые черты –
как отзвуки утерянных эпох.

Об очень многом не договорив,
не удивимся, что в ушах навяз
тот давний, очень простенький мотив,
ценившийся когда-то больше фраз.

Расстанемся. Я помашу рукой.
И мы растаем с ним в заботах дня.
Я буду вспоминать, кто он такой.
А он – пытаться опознать меня.

Один знаменитый француз,
певец мушкетера-повесы,
раздутый, как спелый арбуз,
от славы и деликатесов,
прошелся по этим холмам,
далеким от Сены с Монмартром,
сразил комплиментами дам
и город сравнил с амфитеатром.

Он прав был, великий Дюма,
знаток драматичного действия.
Со склонов смотрели дома
на то, как добро и злодейство
творили историю тут,
сплетая такие сюжеты,
что вам никакой Голливуд
не снимет картину об этом.

А мы в этом действе росли,
подсказки суфлера не ждали,
и старые пьесы спасли,
и новые пьесы создали.
Мы здесь приглашали на твист
соседку, а не примадонну.
И рядом стоит не артист,
а просто сосед по балкону.

Эх, знал бы великий француз,
что все изменяется ныне,
что в стане изысканных муз
явились иные богини...
Не будем программки листать –
увы, в них не все достоверно.
Мельчает актерская статья,
костюмы не те в костюмерной.

Вот новый спектакль готов.
А мы... Мы выходим во дворик,
и хватит вокрут черепов,
чтоб тихо сказать: «Бедный Йорик!»

Те дни, когда у слова «голубой»
иных понятий не было в помине
и лучшими в стране считал любой
полярников, что выжили на льдине,
когда для наших дедов и отцов
был красный галстук всех наград превыше,
а в лагеря везли со всех концов
«изменников», «вредителей» и «бывших»,
судить не нам. И полномочий нет,
чтоб мерить нашей, нынешнею меркой

наивность веры, ужасы застенка...

За нынешнее нам держать ответ.

Рожденный в середине века,

не зная сорок лет войны,

я эти годы тишины

считал Всевышнего опекой.

Куда же отвернулся Он

в те новые десятилетия,

когда был вынужден суметь я

войну познать со всех сторон?

Смешались в кучу люди-звери,

и каждый всем и вся твердит,

что именем Творца творит,

с молодых ногтей в него поверив.

Не жаль, что мне уж не дано

дожить до века середины.

Жаль, что батальные картины

оставить детям суждено...

По ходу действий драм и оперетт,

да и во всех владеньях Мельпомены

в шкафу героя кроется скелет

и кто-то ружья вешает на стены.

«Жизнь – это театр», – провозгласил поэт,

ведя учет ошибок и амбиций.

И мы играем. Каждый – свой сюжет.

Но без суфлеров и без репетиций.

Кому-то в этом театре – благодать,
кому-то надоела роль актера.
Но труппе не дано предугадать
задумки драматурга-режиссера.

Кого-то ждет на сцене полный крах.
А чьи-то роли истинно бесценны.
Скелеты сами прячем мы в шкафах.
Но кто нам ружья вешает на стены?

ТОННЕЛЬ

Однажды поутру,
а может быть, под вечер
я, все-таки умру,
познав, что мир не вечен.
И, вмиг сведя на нет
заботы и делишки,
увидю яркий свет,
как пишут в умных книжках.

Те книжки предрекли,
что прямо из постели
лететь мне от Земли
в сверкающем тоннеле.
И бездны на краю,
в преддверии к нирване
увидеть жизнь свою,
как будто на экране.

Но среди всех чудес
нет лучше перспективы,
чем посмотреть с небес
на тех, кто еще живы.

Возьму и погляжу,
пока еще не поздно,
на то, как сам лежу -
красивый и серьезный.
А вы, подняв бокал
с печальным тамадою,
снимаете накал,
навешанный бедою.

«Э, нет, – скажу себе, –
внизу звенят стаканы,
а мне – лететь в трубе
к преддверию нирваны?
Внизу грустит народ,
а я забрал с собою
чудесный анекдот
про пьяного ковбоя!
Не буду, черт возьми,
орлом парить в тоннеле.
Желаю быть с людьми
в их благородном деле!»

Я тут же развернусь
и, как Орфей когда-то,
сюрпризом заявлюсь
к тебе, реаниматор.
И подведет итог
всей этой передряги
мензурочный глоток
больничного спиртяги.

Однажды вечерком,
а может, и под утро,

немного под хмельком,
с настроем «Кама Сутры»,
я к вам вернусь в своем
опять расцветшем теле.
И молча мы нальем
за наших в том тоннеле.

*Увидеть Париж и умереть.
Илья Эренбург*

Я увидел Париж. И не умер.
Я мгновенно сказал: «Погоди!»
Я ходил в мушкетерском костюме
и абсент покупал для Моды.

Я держал микрофон Азнавура,
у Гобсека брал евро в кредит,
я автограф просил у Гонкуров
и билет покупал на Эдит.

На ступенях у стен Сакре-Кера
мы с Чарнотой распили коньяк.
Робеспьер мне навязывал споры
и хихикал вослед Растиньяк.

«Мулен-Руж» подарило веселье,
Нотр-Дам подарил свою сень...
Ах, как много в Париже успел я...
Я в Париже провел целый день!

Вновь приходили старые друзья.
Они уже действительно стары.
У каждого в глазах – свои миры,
в которые другим попасть нельзя.

Они пришли, хромая, не спеша.
Но полностью наполнили стаканы.
У каждого трепещет, как мембрана,
его не постаревшая душа.

Она еще сумела сохранить
те имена, мелодии и строки,
которые в далекие истоки
приводят нас, как Ариадны нить.

Теперь мы все увидимся нескоро –
нам собираться стало все трудней.
А впереди – уже все меньше дней,
но больше тем для тихих разговоров.

Не то, чтоб мы плохи иль хороши -
мы просто очень долго не старели...
Дай, небо, силы, чтоб друзья сумели
жить ритмом нестареющей души.

Сколько там еще осталось?
Полтора десятка лет?
А потом – чужая жалость,
угасающая старость
и воспоминаний след?

Ох, не хочется, а надо,
без надрыва и тоски,
без стенаний и бравады,
помня тех, кого нет рядом,
встретить старость по-людски.

Этот путь давно накатан.
Не свернул с него никто.

Чем рассветы виноваты,
что грустней теперь закаты
в нашем цирке-шапито?

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Ностальгия – тоска не по месту, а по времени.

Спорное утверждение

Мы построим машину времени
и все вместе уедем туда,
где соседей на нации-племени
не делили ни пир, ни беда.
Там в апреле дурманят акации,
там платаны спасают в жару,
там единой тифлисской нации
разливает октябрь хванчкару.
Там навеки заложены в гены,
всем лингвистам планеты назло,
выражения аборигенов –
«чусты», «хозик» и «шатало».
Тормознем в переулках Майдана,
где плывет среди влажной листвы
запах жареных баклажанов
и варенья из терпкой айвы.
И нажмем мы в машине на кнопку,
чтобы время смогло застыть.
...Снова хаши и водки стопку
за рублевку можно купить.
Мы на ту же рублевку попросим
в винном погребе, гулком, как склеп,
сыр, бутылку вина «номер восемь»
и горячий, грузинский хлеб.

А за окнами мамы с детишками
в Муштайд спешат и в АРТО.
В парке Верэ торгуют книжками.
Наконец-то открыли метро.
У вокзала трамваи грохочут.
А по набережным и садам
без опаски мы можем ночью
прогулять наших юных дам.
Наводнением не смыло Пески.
А у входа на стадион
безбилетных отсек от Месхи
милицейский конный кордон...

Только вот никаким повторам
не вернуть тот наив голубой
и тот возраст далекий, в котором
мы впервые здесь были с тобой.

Сололаки, Сололаки...
Улиц древний аромат.
Здесь понятие «мокалаке»
выше всяческих наград.
Здесь года судить не вправе
за ошибки, за вину.
Здесь подъезды словом SALVE
зазывают в тишину,
где столетий свет нерезкий
ниспадает с этажей
на остатки старой фрески
и останки витражей.
Здесь равны и цесаревич,
и мацонщик, и вдова...

Бродит Александр Сергеич
(даже не один, а два).
Время стены расколело,
но по-прежнему дворы
ждут Булата и Паоло
вместе с Беллой – на пиры.
Отбивая все атаки,
Не похожий на музей,
сберегает Сололаки
дух поэтов и князей.

БАТУМИ НАШЕЙ ЮНОСТИ

Уже давно пошли на слом
и девушка с большим веслом,
и маленький аэродром,
и деревянный старый дом,
гостиница для моряка
и вся ограда маяка,
и прибульварный стадион,
и в зелень вросший бастион.

То, что поднялось вместо них,
построено для глаз чужих.
И принесло оно собой
иной уклад судьбы иной.
А где-то там, в краю былом –
дурман магнолий за окном,
Синатра под вечерний бриз
и катер на Зеленый Мыс.

Вечерний пляж принять готов
от щедрых сейнеров улов,
прожектор ночью бьет в глаза
и в центре города вокзал.
А океанский теплоход

катает весь честной народ.
Он с чешским пивом на розлив
и с музыкой на весь залив...

Я это все ищу-свищу.
На время вовсе не ропщу –
оно бесстрастно, как всегда.
Но как же я хочу туда...

В Тбилиси все все помнят.
В Тбилиси все все знают.
Здесь не в каменоломнях
скрижали высекают –
здесь растворяют в гены
для новых поколений
и хроники, и цены
ошибок и свершений.

И не ветшать заветам,
в скрижали занесенным,
и не стареть поэтам,
заветами рожденным.
И новые дороги
в столетьях увязают...
В Тбилиси помнят многих.
Тбилиси много знают.

Адамо поет, как падал снег.
А Саахов похищает Нину.
И не так давно двадцатый век
разменял вторую половину.

На экранах – новости с полей,
«Огонек», генсек, герои спорта.

И всего за двадцать пять рублей
до Москвы летишь на «сто четвертом».

Не ступала на Луну нога,
нет советских танков в Злата Праге.
Это будет завтра, а пока
в нас – беспечность молодой дворняги.

Помашу хвостом и улыбнусь –
жизнь пока еще не била палкой.
И поставлю «Битлз», и... проснусь.
Вот такие сны терять мне жалко.

Если будит по утрам
только крик вороны,
если рядом, по дворам,
шастают драконы,
если принцев и принцесс
в городе не стало,
если ваш любимый лес
нечисть истоптала,

если кукуется больной
домовой у печки
и нетрезвый водяной
голосит из речки,

не корите добрых фей –
на себя пеняйте.
Но ни в мыслях, ни в строфе
сказку не сменяйте.

Я видел на поле Стрельцова и Яшина,
ходил на концерт Высоцкого,
я книги держал, в которых закрашены
лица Якира и Троцкого,
я ездил на «Эмках» и на «Победах»,
я помню Карибский скандал...
И внуки вправе подшучивать: «Деда,
а ты динозавров видал?»

ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ

Не так уж тщательно, но истово
я делал то, во что поверил.
Я не подслушивал у двери.
В помощники не звал нечистого.
Копил слезу для ностальгии.
Не рвался к роли первой скрипки.
Платил за многие ошибки,
а после совершал другие.
Не думал, чем и как рискую
в поступках дерзко-беззаботных.
И боль обиженных животных
воспринимал как боль людскую.
Меня любили. Мне везло.
А если донимали нудно,
то было мне совсем нетрудно
встать и уйти на шатало.
И всматриваясь в длинный путь,
я понял: главная награда

в том, что делил его с кем надо.
Да так, что не пришлось свернуть.

Я старался писать стихи,
не любил других наставлять,
не хотел, но плодил грехи
и стремился их исправлять.

Из ошибок не строил проблем,
из болячек не делал беды,
не боялся запретных тем
и помочь не считал за труды.

Я любил поесть и попить,
не срывал на невинных злость...
В общем, очень хотелось БЫТЬ.
И, наверное, удалось.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕГО НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ	4
ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ	6
ЧЕЛОВЕК, СБЕРЕГАЮЩИЙ ИМЕНА	21
ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ	36
СТИХОТВОРЕНИЯ	48
ДАВАЙ, ГОРБАТОЙ УЛИЦЕЙ... ..	49
НУ, РАЗВЕ ОЛИФОЙ ПОКРЫЛИ... ..	50
УЛИЧНЫЕ РАЗНОСЧИКИ	51
ГРУСТИТЬ КАК О БЫЛЫХ НАГРАДАХ... ..	52
ФРЕДЕРИК ШОПЕН	54
МИХАИЛ БУЛГАКОВ	55
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ	56
У ДОМА ПАОЛО ЯШВИЛИ	56
АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ.....	58
ФРАНСУА ВИЙОН	59
АЛЕКСАНДР ГРИН	59
БОРИС ПАСТЕРНАК.....	60
МИШЕЛЬ ЛЕГРАН	61
«ВСЕ НАПРОДАЖУ».....	62
КАКАЯ-ТО В ДЕРЖАВЕ ДАТСКОЙ ГНИЛЬ?.. ..	64
ШУТИТЬ И ВЕК ШУТИТЬ!.. ..	64
РЕМИНИСЦЕНЦИИ.....	66
ГАМЛЕТ	67
СНОВА ОПРОМЕТЧИВЫЙ ИВАНУШКА... ..	68
ПИСЬМА ИЗ АРМИИ	68
ПРИВЫКАЮ, РУТАЯСЬ МАТОМ... ..	69
ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК НАТУЖНО ВОЮТ ТАНКИ... ..	69
ОБРЕЧЕННОСТЬ СТРАШНЕЕ ОБИДЫ... ..	70
А ЗДЕСЬ ОПЯТЬ – НЕ ОСЕНЬ, НЕ ЗИМА... ..	71
ТЫ ПОМНИШЬ КНИГУ?.. ..	71
ПЕСЕНКА ИЗ СКАЗКИ	72
Я ОСЕНЬ ЧУВСТВУЮ НУТРОМ... ..	73

А СНЕГ ВСЕ ПАДАЕТ И ПАДАЕТ...	74
КОГДА ЗИМА ЕЩЕ СТРЕМИТСЯ...	74
ПРОТАЛИНЫ СМЕНИЛИСЬ ЛУЖАМИ...	75
КОГДА ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ...	76
ОТКЛЮЧЕНИЕ СВЕТА В ТБИЛИСИ	77
А ВЕДЬ У НАС УЖЕ ВСЕ ЭТО БЫЛО...	77
6 ЯНВАРЯ 1992 ГОДА	78
НЕЗАМЕТНЫЕ ВОЙНЫ 90-Х	79
ТОРГОВЦЕВ ВЫГНАЛИ ИЗ ХРАМА	80
ДОЖДЛИВАЯ АССОЦИАЦИЯ	81
МОИ ДРУЗЬЯ РАЗЪЕХАЛИСЬ ПО МИРУ...	81
КУДА НАМ УБЕЖАТЬ ОТ СТРАХА И ПОТЕРЬ?..	82
МУЭДЗИН ПОЕТ МОЛИТВУ НА ВЕРШИНЕ МИНАРЕТА...	82
НЕ ПРОШЕЛ ЕЩЕ ПО ГАЛИЛЕЕ...	83
ИЕРУСАЛИМ. ОСЕНЬ	83
ПЕСЕНКА ПРО РАЗНЫЕ ГОРОДА ...	84
СУДНЫЙ ДЕНЬ	86
НУ ПОЧЕМУ ВСЕ ТАК НЕ ЛАДИЛОСЬ...	87
ИНТИФАДА	88
НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО В ИЕРУСАЛИМЕ	88
ПЕРЕПРАВА	89
СНЕГ В ИЕРУСАЛИМЕ	90
ЗАКАТНЫЙ АВТОБУС	92
МНЕ ОЧЕНЬ ТРУДНО БЕЗ ТЕБЯ...	93
ЗИМОЙ И ТАК ОСЕННЕ-МОКРО...	94
МАРК ШАГАЛ	95
ЯД-ВА-ШЕМ	96
КОЛЬЦО СОЛОМОНА	97
ПРОЩАНИЕ И ИТОГ	97
НУ ВОТ, И МЫ РАЗЪЕХАЛИСЬ ПО МИРУ...	98
НОСТАЛЬГИЯ, НОСТАЛЬГИЯ...	98
НЕ ПОТОМУ, ЧТО ТАК ХОТЕЛОСЬ...	99
НЕТ, НАШЕ ВРЕМЯ НЕ УШЛО...	100
ПЕСЕНКА СЕМИДЕСЯТНИКОВ	100

ТАМ, ГДЕ СТЕКАЕТ С НЕБЕС КРАСОТА...	101
ТАКИМИ НЕПРОСТЫМИ ПЕРЕПУТЬЯМИ...	102
Я ВСТАЮ БЕЗ ПЯТНАДЦАТИ ПЯТЬ...	103
Я ВЕРНУСЬ. ВЫ ПОКА ПОСКУЧАЙТЕ...	103
ЗА ОКНАМИ – СИРЕНА...	104
НАБИРАЮТ ОБОРОТЫ ГОДЫ...	105
ПОСЛЕДНИЕ ЕДИНОРОГИ...	106
ТБИЛИССКОЕ ДЕЖАВЮ	106
ОДИН ЗНАМЕНИТЫЙ ФРАНЦУЗ...	107
ТЕ ДНИ, КОГДА У СЛОВА...	108
РОЖДЕННЫЙ В СЕРЕДИНЕ ВЕКА...	109
ПО ХОДУ ДЕЙСТВИЙ ДРАМ И ОПЕРЕТТ...	109
ТОННЕЛЬ	110
Я УВИДЕЛ ПАРИЖ. И НЕ УМЕР...	112
ВНОВЬ ПРИХОДИЛИ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ...	112
СКОЛЬКО ТАМ ЕЩЕ ОСТАЛОСЬ?..	113
МАШИНА ВРЕМЕНИ	114
СОЛОЛАКИ, СОЛОЛАКИ...	115
БАТУМИ НАШЕЙ ЮНОСТИ	116
В ТБИЛИСИ ВСЕ ВСЕ ПОМНЯТ...	117
АДАМО ПОЕТ, КАК ПАДАЛ СНЕГ...	117
ЕСЛИ БУДИТ ПО УТРАМ...	118
Я ВИДЕЛ НА ПОЛЕ СТРЕЛЬЦОВА И ЯШИНА...	119
ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ	119

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«**Русский клуб**»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ...

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Редактор
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
ЛАЛИ ХАТИАШВИЛИ